

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

А.Д. Васильев

**ВВЕДЕНИЕ
В ИСТОРИЧЕСКУЮ
ЛЕКСИКОЛОГИЮ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Учебное пособие для спецкурса

2-е издание, исправленное

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2014

ББК 81.2 Рус
В 191

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор
(Санкт-Петербургский государственный университет)
В.М. Мокиенко

Кафедра русского языка Томского государственного университета

Ответственный редактор:

Доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент Международной Славянской Академии
(Московский педагогический государственный
университет им. В.И. Ленина)
К.П. Смолина

Васильев А.Д.

В 191 Введение в историческую лексикологию русского языка: учебное пособие для спецкурса [Электронный ресурс] / Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Изд. 2-е, испр. – Красноярск, 2014. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-85981-763-4

Предназначается для спецкурсов и спецсеминаров по русской исторической лексикологии и лексикографии; может быть использовано также в преподавании курса истории русского литературного языка.

ББК 81.2 Рус

Издается при финансовой поддержке проекта № 06/12 «Исследование проблем развития человека на базе Гуманитарной технологической платформы “Инновационный человек”» Программы стратегического развития КГПУ им. В.П. Астафьева на 2012–2016 годы.

ISBN 978-5-85981-763-4

- © Васильев А.Д., 1997
- © Васильев А.Д., 2014, 2-е издание, исправленное
- © Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2014

Предварительные замечания

Слово, важнейшая единица языковой системы, отражая и запечатлевая внешний и внутренний мир человека, может активно влиять на них, выступая в качестве мощного орудия духовной жизни и общественной деятельности людей, формируя и регулируя их поведение.

Сведения об эволюциях словарного состава, о динамике лексико-семантических групп и отдельных слов интересны не только в сугубо академическом отношении: сегодняшние факты словоупотребления зачастую имеют древние корни.

Неразрывное единство национального языка и национальной культуры обретает в жизни этноса многообразные воплощения. Факты языка и феномены культуры не поддаются строгому разграничению: изменения в собственно культурной сфере претворяются в языке – а языковые эволюции стимулируют ход культурных процессов. Немало примеров этого можно насчитать и в российской истории; самые наглядные свидетельства предоставляет наблюдателю динамика русской лексики.

Закономерно, что крупные социально-политические изменения сопровождаются и зачастую направляются соответствующими переменами в словарном составе: нарастанием или снижением употребительности, переосмыслением слов и целых пластов лексики. Понимание лексико-семантических эволюций прошлого, таким образом, помогает лучше ориентироваться в существующих реалиях.

Сведения о судьбах слов, особенно – концептуально значимых, позволяют уточнить и прояснить содержание этносоциокультурных норм и стереотипов, характерных на протяжении длительного времени исключительно для представителей определенных языковых коллективов, – того, что в совокупности образует понятие этнического менталитета.

Чрезвычайно значимая роль в поддержании духовности народа принадлежит преподаванию отечественной словесности. Реформирование образования в сторону гуманитаризации

вряд ли способно достичь желаемых результатов, если не произойдет качественного изменения его лингводидактической части. Глубокое и всестороннее дознание богатств родного языка не может быть полноценным без изучения истории лексики.

До сих пор при подготовке преподавателей-филологов исторической лексикологии отводится весьма скромное место, что особенно заметно на фоне подробного изучения исторической фонетики и морфологии – также важных в лингвистическом плане дисциплин, однако обладающих гораздо меньшей объяснительной силой в историко-культурном аспекте. Чтобы преодолеть дальнейший отрыв учащихся от национальных традиций, этот досадный пробел следует восполнять: в вузе – введением объемных спецкурсов, в средней школе – циклами лекционных и факультативных занятий, постоянным историко-лексикологическим комментированием.

Накопление значительных фактических данных и интенсивное развитие лексикографии позволяет говорить об уверенном продвижении к главной цели русской исторической лексикологии – созданию фундаментального обобщающего труда по истории словарного состава русского языка. Подготовка этой коллективной монографии уже ведется, однако ее выход в свет остается пока уделом будущего. Решение же ряда научных и учебных задач нежелательно переносить на отдаленную перспективу. Кроме того, многие публикации по вопросам русской исторической лексикологии и лексикографии оказались сегодня почти недоступными, особенно – для студентов периферийных вузов.

В настоящем пособии, наряду с систематизированным изложением мнений специалистов, кратким обобщением результатов, достигнутых в изучении истории русской лексики, освещается ряд проблем, решение которых, несмотря на длительность дискуссий, нельзя считать окончательными.

Автор глубоко признателен ответственному редактору и официальным рецензентам за действенную помощь в подготовке и публикации пособия.

I. ИСТОРИЯ ЛЕКСИКИ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

На современном этапе развития лингвистических исследований внимание специалистов вновь обращается именно к тем проблемам, попытки решения которых, собственно, и позволяют считать языкознание гуманитарной дисциплиной, то есть наукой о человеке. Его роль затруднительно свести к некоему «человеческому фактору», равно как и постичь суть этого «фактора» обособленно от явняка. Растущее число научных работ, где общекультурные, этнологические, социологические аспекты человековедения рассматриваются сквозь призму языковых явлений, свидетельствует о далеко не исчерпанных возможностях т.н. традиционных направлений лингвистики, потенциал которых во многом зависит от богатства той или иной конкретной национальной культуры. Среди обилия дефиниций понятия «культура» (по некоторым подсчетам, их свыше двухсот [3, с. 3]) наиболее адекватны, на наш взгляд, содержащие косвенные или прямые указания на значимость языка.

Если определять культуру как совокупность ненаследственной информации, способов ее организации и хранения разнообразными человеческими коллективами [136, с. 5–6], то историю культуры можно представить как динамику самосознания культуры, в той или иной степени объясняющую соответствующее изменение нормативных установок [137, с. 3]. Поскольку культура испытывает постоянную потребность в самоописании, удовлетворяемую прежде всего языковыми средствами, то справедливо, что современная широта интерпретации проблем культурологии «допускала бы

и вполне органичное включение в культурологию даже чисто лингвистических проблем» [213, с. 264]. Более того: «рассматривать язык в отвлечении от культуры – значит не понимать язык. Рассматривать культуру в отвлечении от языка – значит не понимать сущность культуры» [32, с. 9].

По-видимому, лингвистические исследования могут способствовать расшифровке того, что называют культурными и социальными кодами цивилизации, т. е. «принятыми в ней системами ценностей, норм, стереотипов восприятия, представлений о статусе и роли индивида, соотношений мифов и идеологии, языка и речи и т. д.» [72, с. 189], – впрочем, последнее имеет не только самодовлеющую ценность, – если иметь в виду важность собственно лингвистических изысканий, а также то, что перечисленные коды, как правило, имеют вербальное воплощение или, по крайней мере, при необходимости могут быть сформулированы лексически («философия ли открывает мир общения, или мир общения открывает философию» [163, с. 55]).

Несомненно обострившийся в последние годы интерес специалистов к вопросам ментальности, менталитета, национального характера, национальных духовных ценностей и т.п. (вызванный во многом изменениями общественно-политического характера) вполне закономерно отражается в лингвистике. Отсюда – и новые осмысления наследия классиков (в частности, В. фон Гумбольдта, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни), и обилие изысканий в области взаимосвязи и взаимовлияния языка и мышления, этнопсихолингвистики и т.д. Современные интерпретации прежних подходов, существенно развитых сегодняшними исследователями, позволяют определить культуру как «способность человека к ориентации в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизнедеятельности на основе знания эталонов, стереотипов, мифологем, символов, обычаев, ритуалов и т.п. как сво-

его рода образцов-прототипов категорий культуры, образующих его язык» [209, с. 14] (можно было бы, однако, заметить, что это способность не только, да и не столько, индивидуума, сколько этносоциума, к которому он принадлежит).

Эти положения тесно смыкаются с основными постулатами этнолингвистики, исходящей из того, что история мышления народа отражена в его языке и именно в языке и через язык нам дано все богатство народных знаний, верований и представлений. Поэтому цель этнолингвистики – «показать, как язык в разных формах его существования, на разных этапах его истории влиял и влияет на историю народа, на положение того или иного этноса в современном обществе» [58, с. 69; 5].

Чрезвычайная актуальность проблематики, связанной с исследованиями менталитета, в современных условиях зачастую порождает суждения не столько собственно научного, сколько, скорее, полу- или совершенно публицистического толка. По крайней мере, одну из причин такой ситуации следует усматривать в невнимании к уже известным сведениям о специфике национальных языков, вообще к лингвистическим аспектам культурологии. Между тем, важнейшее место в сложении ментальных феноменов принадлежит именно языку, воплощающему «и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры»; поэтому «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [110, с. 14–15]. Ср. также: «Ментальность, или менталитет, определяет мировоззренческую структуру сознания, те глубинные формы мирозерцания, которые определяются категориями и формами родного языка» [111, с. 20].

Хотя пока еще преждевременно говорить о чёткой, а главное – общепринятой методологии при подходе к этим вопросам [232, с. 5; 210, с. 6; 198, с.15], всё же в исследовательской практике можно наблюдать диапазон достаточно действенных приемов. Во всяком случае, сегодня уже представляется невозможным резкое разграничение (тем более – противопоставление) «чисто лингвистического» и «нелингвистического» применительно к изучению истории культуры. Взаимодействие и взаимообогащение гуманитарных отраслей знания служат, в конечном счете, получению максимально глубоких сведений о человеке и обществе. Весьма информативны в этом отношении экскурсы в историю лексики.

Именно словами выражаются динамические стереотипы в психике индивида [73, с. 136; 76, с. 23] и целых сообществ, в разной степени и на различных основаниях считающихся таковыми [167, с. 89–90]; именно благодаря исторической лексикологии поддается осмыслению сущность культуры (а она такова, что «прошлое в ней, в отличие от естественного течения времени, не «уходит в прошлое», то есть не исчезает. Фиксируясь в памяти культуры, оно получает постоянное, хотя и потенциальное бытие» [137, с. 36]). История словарного состава наиболее наглядно показывает, как «с проблемами языка, религии и культуры соприкасаются или переплетаются проблемы этнического (национального) самосознания» [210, с. 17]. Последнее обстоятельство имеет особенно важное значение, как и то, что сакральная сфера консервативнее профанической [138, с. 12] и посредством определенных слов обеспечивается ход процессов, объединяющих носителей одного языка в пространстве (даже при условии значительной удаленности части этноса от основного множества [214, с. 3–13]) и во времени (то есть связывающих разные поколения народа), А поскольку «со временем живое слово тережится, – впечатление забывается и остается только одно от-

влеченное понятие; потому – восстанавливать первобытный смысл слов – значит возобновлять в душе своей творчество первоначального языка» [34, с. 172].

Одной из главных особенностей лексики как уровня языка является ее тесная и непосредственная связь с жизнью народа – носителя и творца языка. Социально-политические изменения, происходящие в жизни общества, открытия и изобретения в области науки и техники, развитие культуры, морально-нравственные нормы и установления, повседневная деятельность людей – все это и многое другое находит свое отражение в словах и выражается ими. При этом «каждое слово представляет собою особый микромир, в котором отражается какой-то кусочек реальной действительности или отклонений от нее (нередко весьма значительных), средство коммуникации» [225, с. 16]. Следует учитывать также, что каждое отдельно взятое слово связано со многими другими словами разнообразными отношениями, что позволяет объединять слова в группы по различным признакам (будь то вычленение лексики с точки зрения ее происхождения или употребления, активного или пассивного запаса, наличия или отсутствия стилистической окрашенности и др.). Важной чертой словарного состава является его открытость; внутри поистине безбрежного океана слов постоянно происходят сложные процессы, приводящие к утрате тех или иных лексических единиц и появлению новых, порождающие семантические изменения и т.п. Определить эти процессы наилучшим образом, объяснить их, классифицировать способна историческая лексикология, значимость которой для собственных исследований высоко оценивают специалисты в области гуманитарных наук. Например, связь этнической психологии с исторической лингвистикой представляется – в силу доминирующей роли речи среди психических факторов формирования человека – в высшей степени плодотворной и многоо-

бещающей, причем «на первое место надо будет поставить не формальную структуру языка, не фонетику, морфологию и синтаксис, а лексикологию и этимологию: язык – лоистине копилка исторического опыта народа в гораздо большей степени, чем любая другая сфера культуры» [167, с. 104]. Языковедам также хорошо известен гуманитарный потенциал исторической лексикологии: «исторический анализ [семантических изменений слова] – лишь производная форма непосредственного анализа самих говорящих субъектов» [50, с. 33].

Такой подход имеет определенные традиции в отечественном языкознании. О значимости данных исторической лексикологии говорится применительно к изучению эволюционирующих форм мировоззрений и воспроизведению идеологических систем прошлого [50, с. 6], к рассмотрению истории слов в связи с общей историей человеческой культуры [28, с. 40], к исследованию видоизменений системы понятий в культурной парадигме (при чем обнаруживается прямая зависимость системных отношений в лексике и их трансформаций от менталитета народа [234, с. 3]) и др.

Следует учитывать и то вполне очевидное обстоятельство, что связи лексики и идеологии, лексики и культуры, лексики и менталитета являются взаимонаправленными и взаимообусловленными. Наиболее открыто и отчетливо древнейшее осознание человеком этих взаимосвязей, а также – и попытки использовать силу слова для воздействия на природные процессы или на поведение людей, воплотились на ранних этапах истории в заговорах, заклятиях, клятвах и других мистических ритуально-обрядовых актах [12, с. 335–340 и др.]. Результаты изучения, например, русской фразеологии в историко-этимологическом и этнолингвистическом аспектах на обширном фактическом материале позволяют утверждать, что «наивные мифологические представления», как бы далеко ни уходила цивилизация, не покидают нашу речь (а

следовательно, и сознание), но переосмысливаются, «перекрашиваются под современность», приобретая иные семантические и стилистические обличья. Язык, сохраняющий следы мифологического освоения природы и общества человеческим сознанием, сам является многослойным мифом; поэтому, отслаивая пласт за пластом этого мифа, можно постепенно проникать в глубины древнего мировоззрения и взглянуть на жизнь наших предков их собственными глазами [146, с. 131;133].

Распространенные издавна представления о сакральности слова, вербальной магии, по-видимому, весьма живучи в общественном сознании. Слова-мифогены, слова-мифологемы часто привлекают внимание исследователей (как и «слова-ключи», или «ключевые слова» [79, с. 136; 28; 170 и др.]).

Это слова-символы, «конденсаторы принципов знаковости», одновременно выводящие за ее пределы; «посредники между семиотической и внесемиотической реальностью» [138, с. 20]. К ним полностью применимо высказывание С.Н. Булгакова: «... Из восприятий, переживаний, связей вылуцчивается это зерно – идея, обладающая самобытной жизнью, способная вспыхивать в сознании каждого человека, сохранять свою жизненную силу дольше, чем хлебные зерна, найденные в могилах фараонов, ибо слова, сохраненные и в самой древнейшей письменности, нисколько не утратили своей жизненности, своего бессмертия» [31, с. 211. Символ способен трансформировать культурный контекст, т. е. выступать как инструмент преобразования действительности. То, что инвариантная сущность символа реализуется в различных ипостасях-вариантах [138, с. 12, и есть одна из основ лексической вариативности, проявляющейся, например, в синонимии, при стремлении к более четкому вычленению и обозначению понятий. Особое место принад-

лежит словам-символам, издревле связанным с сакральной сферой. Слово-символ древнего текста, синкретичное в данной системе, включает в себя все возможные «значения», которые актуализируются каждый раз в отдельном контексте. Примером может служить любое общее (т. е. родовое) слово Писания или народной поэтики (*солнце, бог* и др.): «подобные слова – свернутый мир, вынесенный из прошлого» [106, с. 281. Ср.: «...Что такое все христианское жизнепонимание? – Развитие музыкальной темы, которая есть... догматика. А что есть догматика? – Расчлененный Символ Веры. А что есть Символ Веры? – Да не что иное, как разросшаяся крещальная формула – «Во имя Отца и Сына и Св.Духа». Ну, а последняя-то уж, несомненно, есть раскрытие слова *ἡμῶν θεός*. Рассматривать ветвистое и широкосенное древо горчичное жизнеописания христианского, как разросшееся зерно идеи «едино-сущия», – это не логическая только возможность. Нет, исторически именно так и было» [227, с. 54]. Известны также многочисленные экзегезы и штудии изречения: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [Иоанн, 1,1]; из позднейших, например: [30, с. 43–47; 70; 32; 53].

Небезынтересно, что с течением времени подобному переосмыслению подвергались слова, обозначающие реалии совсем иного плана. Ср.: «Теперь ведь и представить себе невозможно, как относился когда-то рядовой русский человек ко всякому, кто осмеливался «идти против царя», образ которого ... все еще оставался образом «земного бога», вызывал в умах и сердцах мистическое благоговение. Мистически произносилось и слово «социалист» – в нем заключался великий позор и ужас, ибо в него вкладывали понятие всяческого злодейства. Когда ... «социалисты» появились даже и в наших местах..., это так поразило наш дом, как если бы в уезде появилась чума или библейская проказа... Сын Алферова

был уличен в «пропаганде», – это слово звучало тоже очень страшно...» (Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Кн. II, XII). «...Теперь «куются» совсем новые слова, например, все эти богомерзкие совдепы, викжели, земгоры и под. ...Здесь мы имеем лишь частный ... случай терминологического процесса, приуроченного к письменной речи... Однако (и это мистически есть самая тяжелая сторона дела) такие слова-манекены становятся вампирами .... которые сосут кровь языка и служат черной их магии. Таков оккультный смысл этого сквернословия» [31, с. 32]. «С точки зрения коммунистической мифологии не только «призрак ходит по Европе, призрак коммунизма»..., но при этом «копошатся гады контрреволюции», «воют шакалы империализма», «оскаливает аубы гидра буржуазии», «зияют пастью финансовые акулы»... Тут везде «темные силы», «мрачная реакция», «черная рать мракобесов»; и в этой тьме – «красная заря» «мирового пожара», «красное знамя восстаний» ... Картинка! И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии» [135, с. 32]. Добавим, что и сегодня такой подход весьма популярен: «Значительно более многочисленны (и опасны!) фантомы идеологические... [Социализм в СССР] обслуживался огромным количеством слов-призраков, за которыми в реальной жизни ничего не стояло. *Мир, равенство, братство, разоружение* ... – это «сновидения разума», концепты, порожденные отгалкиванием от действительности» [154, с. 55–56].

Сакральность, магичность слова осознаётся носителями языка и поныне, правда, понимается, может быть, не столь прямолинейно, как в прошлые эпохи. Это заметно по тому вниманию, которое сегодня уделяется российскими лингвистами обсуждению и осуждению т.н. «новояза», распространенного еще недавно социолекта, несомненно, сыгравшего определенную роль в общественно-политических процессах ([см. например: 228]; см. также более продуманный анализ

подобных явлений на материале художественной литературы [62]). Можно (конечно, с некоторыми оговорками) относить феномен «новояза» к области вербальной магии – как часть инструментария, предназначенного для программирования и стимуляции индивидуального и общественного сознания и поведения. Впрочем, не следует упускать из виду, что такие явления известны уже и в послесоветский период, с возникновением «постновояза» (ср. например, фетишизацию новейших мифогенов: *цивилизированные государства, мировое сообщество, маркетинг, приватизация, стабилизация* и т.п.). Хотя сегодняшние языковые процессы имеют ряд качественно иных черт по сравнению с предыдущими, феномены мифотворчества, имеющие древние корни, по-прежнему активны, как полагают некоторые языковеды (см. [155]), и вряд ли отомрут в ближайшем будущем.

Тесное взаимопереплетение и взаимопроникновение лингвистических и культурологических проблем в области исторической лексикологии (охарактеризованное В.В.Виноградовым как «своеобразный заколдованный круг» [50, с. 7]) совершенно объективно и закономерно. Этим объясняются собственная и общегуманитарная значимость исторической лексикологии, ее научный статус, лингводидактический потенциал и дальнейшие перспективы.

II. О НЕКОТОРЫХ ИСХОДНЫХ ПОЗИЦИЯХ ВОССОЗДАНИЯ И ОПИСАНИЯ ЭВОЛЮЦИЙ СЛОВА

Отношения между исторической лексикографией и исторической лексикологией можно характеризовать как сложные и неоднородные связи, обуславливающие довольно частые взаимопереходы и взаимодополнения: в центре внимания обеих дисциплин – слово в его динамических эволюциях.

Близость лексикографии и лексикологии вообще позволяет иногда рассматривать их положение, принимая во внимание национально-культурную значимость той и другой, как иерархически организованные отношения части и целого: лексикографию считают важнейшей составной частью культуры; лексикография же, в свою очередь, рассматривается как часть лексикологии (например, [87, с. 341]). Распространен и несколько иной взгляд, в соответствии с которым основная функция лексикологии (и даже ее преимущество по сравнению с лексикографией) состоит в том, что лексикология обобщает частные наблюдения лексикографии, сопоставляет их с положениями теоретической лингвистики, объясняет их и пересматривает некоторые конкретные результаты лексикографии. Таким образом, «сила лексикографии заключается в теоретически обоснованной эмпирии, сила лексикологии – в обобщении эмпирии и установлении связей с лингвистической наукой» [226, с. 46–47].

Различие между исторической лексикографией и исторической лексикологией может определяться на основе различия их целей. Если цель первой – четкая фиксация и последовательное описание свойств лексики (особенно семантиче-

ских) в ее хронологической протяженности, то целью второй дисциплины является глубинная интерпретация этих свойств во всех системных реализациях (влияние семантического поля, давление экстралингвистических факторов, ареальная приуроченность, словообразовательная, синтаксическая парадигматика и проч.) [88, с. 3, В.М. Мокиенко] (ср. также мнения о том, что историческая лексикология при рассмотрении судеб слов ставит и решает вопросы отражения судьбы народа и развития его культуры в истории лексики [88, с. 3, Г.Ф. Одинцов]; она должна даже при показе ретроспективы изменений отдельного слова заниматься прежде всего эволюцией взаимоотношений слова с равнозначными или близкими по значению лексико-фразеологическими единицами [88, с. 3, Г.В. Судаков]). Справедливо, что историческая лексикология и историческая лексикография развиваются параллельно – но при этом во взаимодействии [200, с. 47], поскольку обязаны сотрудничать [226, с. 47].

Тесная взаимосвязь, взаимообратимость исторической лексикографии и исторической лексикологии проявляется на практике и в том, что лексикограф при подготовке описания слова в словаре проводит лексикологический анализ, выделяя значения слова на разных этапах его бытования; лексикографические же материалы требуют дополнительной содержательной интерпретации, что входит в компетенцию историка-лексиколога.

1. Синхрония и диахрония, статика и динамика

Вопросы формирования, организации и использования терминологии, несомненно важные для любой отрасли научного знания, имеют особую значимость в языковедении. «Всякое лингвистическое описание – это проблема прежде всего терминологическая»; отсюда и неутешительный вывод о нередкой иллюзорности прогресса в лингви-

стике вследствие введения новых терминов, не обозначающих, в сущности, ничего нового, или нечеткого, расплывчатого, метафорического употребления старых [195, с. 81]. Это, в свою очередь, может затруднить успешное решение многих задач языкознания, а ведь среди них – и «рассеивание мыслительной мути, которая может просачиваться из слов» [73, с. 56]; см. в связи с этим предположение о вероятных причинах появления «замутняющих» предмет непонятных терминов [108, с. 7].

Впрочем, подобные опасения применительно к русской исторической лексикологии малооправданны; видимо, сам предмет изучения обуславливает стабильность соответствующей терминологии. С другой стороны, именно в историко-лексикологических трудах подчас можно наблюдать, как сопоставление ранее известных фактов со вновь открывшейся информацией способствует некоторым переменам в смысловом наполнении привычных терминов. Очень кратко остановимся лишь на современных примерах использования и интерпретации самых употребительных понятийных категорий, выражающих, как принято считать, основополагающие антиномии; динамика и статика, синхрония и диахрония.

Лингвисты неоднократно – и достаточно критически – возвращались к дихотомии синхрония/диахрония [193, с. 114, 116, 125 и др.], причем самые активные возражения вызывала и вызывает абсолютизация их противопоставленности.

Так, Г. Гийом, по сути, ставя знак равенства между диахронией и историей, обращал внимание на глубинную диалектическую взаимосвязь вычленяемых фактов. В соответствии с таким видением, «каждая синхронная система является следствием предшествующей системы, вполне законченной, хотя и не похожей». Поэтому «не существует одной диахронии, одной конкретной истории языковых явлений», а есть «диахрония как история систем, или... *диахрония, син-*

хроний, в силу того,... что мы никогда не имеем дело с системой, а только с начавшейся перестройкой уже готовой системы» [61, с. 63 и др.]. Небезынтересно в связи с этим такое суждение: «Диахроническое и историческое не являются равнозначными понятиями, не являются полными синонимами; диахрония как понятие сугубо логическое начисто лишена национального переживания и тем противостоит собственно истории» [92, с. 42]. Впрочем, если это противостояние существует, то, скорее, воспринимается в абстрагированно-теоретическом виде; в исследовательской же практике весьма многочисленны, чтобы не сказать – традиционно-привычны случаи (в частности, и в работах языковедов-историков) использования этих терминов как синонимичных, например: «диахроническая типология (историческая типология)...» [131, с. 135].

Э. Косериу, относивший антиномию «синхрония-диахрония» не к плоскости объекта, а к плоскости исследования (поскольку она применима не к речевой деятельности, а к лингвистике), считал, что «нет никакого противоречия между «системой» и «историчностью», наоборот, историчность языка обуславливает его системность», антиномия эта в плане исследования может быть преодолена только в истории и с помощью истории [113, с. 145].

В. Дорошевский усматривал в «нарушении единства времени делением его на фазы синхронии и диахронии, противопоставленные друг другу в собственной мысли того, кто оперирует этим противопоставлением», «одну из форм не только субъективизма в познании, но и дуализма», характерного для концепции Соссюра (согласно определению польского лингвиста, сущность дуалистической концепции состоит в рассмотрении действительности в двух противоположных друг другу категориях понятий: материи и духа [73, с. 56, 49]).

В ряде специальных исследований по истории русской

лексики и словообразования можно наблюдать конструктивный учет определенной условности этой антиномии (что, заметим, своеобразно уравнивает также распространенные подходы, при которых термин «синхрония» в теоретических построениях и практическом анализе обычно призван обозначать панхронию или ахронию [115, с. 60]).

Например, Л. П. Клименко считает, что введение в историческое языкознание (и в историческую лексикологию, в частности) принципа системности позволило сблизить синхронию с диахронией и представить систему языка как «динамически устойчивый феномен, имеющий устойчивое ядро и подвижную периферийную зону» [96, с. 105]. Подчеркивается принципиальная важность изучения взаимоотношения языка и мышления «как в языковой диахронии, так и в микродиахронии, т. е. в синхронной диахронии – в процессе функционирования языка на данном синхронном срезе» [231, с. 9]. Существованием индивидуальной и социальной диахронии (т. е. возрастными особенностями человека и особенностями, связанными с его принадлежностью к определенной эпохе) между говорящими, выступающими в ролях языковых личностей, объясняют подход к коммуникативному акту как «единству синхронии и диахронии» [223, с. 24–25]. Тезис «синхрония – это распластанная в пространстве диахрония» иллюстрируется в диалектологии изоглоссами различных диалектных явлений, диалектным членением, проведенным по пучкам изоглосс, и результатами классификации русских говоров, в том числе – и ее лингвогеографической проекцией [173].

Не удовлетворяясь «с чисто логической точки зрения» наличием традиционной антиномии, предлагают ввести в лингвистические исследования идею «будущего» (для связи трех времен – настоящего, прошлого и будущего), прибегая, таким образом, к «триахроническому подходу» [130].

Впрочем, если учитывать, что «триахронический подход должен рассматривать то, что лишь потенциально может стать фактом языка – или могло бы стать» (там же), то речь должна идти, скорее всего, о «будущем предположительном», «будущем гипотетическом», «будущем виртуальном» и т. п. Ср. в связи с этим одно из мнений об основном объекте изучения исторической лексикологии – «лексико-семантической системе языка в ее поступательном движении от прошлого состояния к настоящему и прогнозировании характера ее развития на ближайшее будущее» [88, с. 1]. Всё же само слово *история* гораздо теснее ассоциируется с попытками познать ретроспективу, чем с прогнозированием каких-либо перспектив. Основываясь на знании лексико-семантических процессов прошлого, можно пытаться предугадать их течение в будущем, но это уже вряд ли относится к компетенции исторической лексикологии. Вообще же считают, что «предвидение будущей эволюции (применительно к языку) – это опасное заблуждение» [113, с. 308]; слишком сильны экстралингвистические факторы.

Даже отдельные примеры показывают стремление специалистов обогатить, углубить содержание терминов *синхрония* и *диахрония* путем их интерпретаций в соответствии с целями конкретных исследований; как можно предположить, это свидетельствует не только о привычной авторитетности названной антиномии в лингвистике, но также и о естественно проявляющемся осознании единства временного потока. Таким образом косвенно подтверждается условность и относительность «синхронии», а на этом фоне – несколько парадоксальная реальность – текущей, изменчивой! – диахронии [61, с. 63]. Следует также иметь в виду, что абсолютизировать диахронию при решении лексикографических и лексикологических задач, рассматривая ее как последовательную смену состояний языка («синхроний») – неоправданное и ма-

лоплодотворное упрощение действительно сложных динамических процессов в лексике, ибо «смена эта совершается так, что грани между предшествующим и последующим различаются с большим трудом» [192, с. 11].

Упоминания об антиномии «синхрония – диахрония» (или ее компонентах) часто сопрягаются в лингвистических исследованиях с использованием терминов *статика* и *динамика*, понятийное содержание которых также в достаточной степени дискуссионно (во всяком случае, об этом можно судить по разнообразным их толкованиям). По-видимому, это объясняется сложностью языковых явлений, далеко не всегда вмещающихся в узкие рамки дефиниций; как и в других случаях, здесь неизбежен оттенок некоей условности.

В самом традиционном понимании статика соотносится с представлением о синхронии, синхронном срезе (отсюда применение термина «синхронная лингвистика» как равнозначного термину «статическая», а нередко и «описательная лингвистика» в противовес «диахронической» [119, с. 451]). Согласно дефинициям Ж. Марузо, «*динамический, эволюционный* (dynamique // dynamish//dinamico) – связанный с мощностью (греч. dynamis – «сила»), с действием, с движением»; «*динамическое, или эволюционное языкознание* (linguistique dynamique, Evolutive) в противоположность *статическому* языкознанию (linguistique statique) рассматривает языки в их историческом развитии» (140, с. 94]. По определению О.С. Ахмановой, «*динамика* – рассмотрение явлений языка в их связи с более ранними явлениями того же языка и других языков той же группы; противоп. статика; ср. диахрония» [13, с. 135]. Такое жесткое разграничение неоднократно уточнялось и пересматривалось с учетом нестатической природы языка [246, с. 102, 104; 231; 245, с. 4; 95 и др.]. Хотя сегодня констатируют укрепление тенденции к объединению синхронного описания с историче-

ским – благодаря введению динамического временного фактора и в описание языка [86, с. 620], всё же более уместным представляется употребление термина *динамика* и его производных при изучении исторических – диахронических – процессов в языке, особенно в лексике, самом подвижном и подверженном изменениям уровне языка.

По мнению Г.А. Климова, диалектическое единство статики и динамики в языке обусловлено историчностью развития языковой системы, тенденции которого и определяются сложным взаимодействием элементов статики и динамики [97, с. 31].

В соотношении синхронии и диахронии усматривают методологическое отражение фундаментального свойства языка – динамики, проявления историчности существования языка как одного из общественных институтов; не подлежит сомнению, что только сравнительное, а не синхроническое описание может помочь увидеть динамику языка. Не столь бесспорной представляется предлагаемая Ю.В. Рождественским дифференциация динамики языка на эволюцию, развитие и совершенствование языка; впрочем, тут же уточняется, что из-за одновременности этих трех процессов они различаются только теоретически [177, с. 206, 247–248]. Справедливо и то, что исторически изменчивая, но постоянно присутствующая пропорциональность стихийных процессов динамики языка – и процессов сознательного воздействия на язык (в том числе и посредством языковой политики) является одной из основных черт динамики языка [177, с. 253–254].

Так как «познавательная работа мысли – это прежде всего ее динамическое приспособление к действительности, в этом динамизме познавательного усилия не может не быть некоторых элементов статики, неотделимых от понятия равновесия» [73, с. 10]; иначе говоря, баланс между динамикой

и статикой (на уровне лексики) можно увидеть в том, что эволюции словарного состава (вхождение в активный запас новых слов, переосмысление уже известных; уход на периферию, устаревание по равным причинам других слов; перераспределение элементов функционально-стилевых пластов, изменения в стилистической окраске и т.д.) не должны затруднять выполнение языком его основной функции – коммуникативной. Такие процессы вовсе не обязательно могут быть исторически кратковременными, но это отнюдь не исключает их динамического характера. Кроме того, для лингвиста чисто статическое понимание системы в лексике чревато почти полным отсутствием выхода в социологию и культуру [28, с. 27].

Поскольку «развитие языка как направленное развертывание первоначально заданных смыслов служит для последовательного развития мышления», то «замена лексемы для выражения лингвистического знака может быть представлена как направленное развитие мысли». Важно учитывать, что, согласно наблюдениям В.В. Колесова, «на примере славянских языков можно видеть, что диалектический скачок познания оформлялся не прерыванием традиции, а последовательным и постоянным перенесением внимания с одной стороны понятия на другую. Понятие как идея не заменяется, а оттачивается с помощью тех лексических средств, которые к данному времени уже готовы в системе самого языка» [103, с. 39].

Динамизм лексики универсален; он складывается и проявляется, например, в смене одних слов другими, в том числе – и близкими по семантике (причем первые далеко не всегда уходят из активного употребления); в функционально-стилевых перемещениях слов и т.п. Следует учитывать, что динамизм обнаруживает себя и в пределах одной лексемы при эволюции ее значения.

2. Тожество и динамика слова в истории языка

Проблема тождества слова проявляется в разных аспектах. Она может обнаруживаться в процессах речевой коммуникации между говорящими на одном и том же языке; примеры этого явления достаточно многочисленны в повседневном речевом общении и запечатлены в художественной литературе. Это является закономерным следствием свойств слова: «Слово, взятое в целом, как совокупность внутренней форм и звука, есть прежде всего средство понимать говорящего, апперципировать содержание его мысли... Что касается до самого субъективного содержания мысли говорящего и мысли понимающего, то эти содержания до такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явных недоразумениях..., но легко может быть осознано при так называемом полном понимании. Мысли говорящего и понимающего сходятся между собою только в слове» [168, с. 139–140]. Названная проблема имеет немаловажное значение в лексикологии и лексикографии, выступая, например, в практической лексикографии – при формировании заголовочной строки словарной статьи, отражении структуры многозначного слова, ограничении омонимов друг от друга и т.п.

Известно, что слово не остается совершенно неизменным на протяжении своего бытования в языке. Со временем может измениться (хотя, как правило, и незначительно) его звуковая, несколько чаще – графическая форма, но наиболее подвержена трансформациям его семантика («единство содержательной и формальной сторон словесного знака не является абсолютным, это единство может быть нарушено и часто нарушается из-за частичного изменения то в означаемом, то в означающем» [218, с. 60]), что способствует эволюциям словарного состава не в «количественном», а в «качественном» отношении, то есть не путем создания новых лексем,

а через переосмысление уже имеющихся, что, собственно, и является основным в изменении лексики.

Проблема тождества слова, несомненно, наиболее остро проявляется в диахроническом изучении лексики, что равно относится и к исторической лексикологии, и к исторической лексикографии. Это связано, в частности, со значительной хронологической удаленностью объекта от исследователя, обладающего к тому же собственным языковым опытом, отличным от соответствующего опыта носителей языка рассматриваемого периода, что в определенной мере может затруднить исследование. На это неоднократно указывал В.В. Виноградов: «...Идеологические противоречия между современным мировоззрением и семантическими системами далекого прошлого часто приводят к искажению смысловой перспективы в истории слова»; он считал необходимым в историко-лексикологическом исследовании освещать опасности модернизации значений слова и тенденциозной их интерпретации, опасности перенесения современных взглядов и категорий мышления на далекие эпохи и т.п. [50, с. 27–28 и др.].

Эти положения зачастую учитываются исследователями. Так, например, эпизодические случаи перевода в «Словаре русского языка XVIII века» объясняют не только близостью лексикографируемого периода к современному, но главным образом – несопоставимостью понятий прошлого и настоящего в силу изменившегося представления о них [164, с. 321]. Тем не менее, такой подход пока нельзя назвать преобладающим. Скорее, напротив: «в исследованиях по исторической семантике обращает на себя внимание традиционный [1] контраст между сложностью семантической структуры слова в любом современном языке и упрощенностью наших представлений о семантике слова в прошлом» [15, с. 105].

В качестве «симптома тождества слова» В.В. Виногра-

дов признавал «непрерывность его историко-семантического развития», понимаемую в историко-лексикологическом аспекте в равной степени «как активное употребление соответствующего слова в разных последовательно менявшихся системах языка, так и пребывание его, иногда на протяжении целых столетий, в архивном фонде данного языка или в его пассивном словаре» [50, с. 22, 25].

По мнению А.А.Уфимцевой, синхронное и историческое тождество слова является одним из его фундаментальных свойств. Оно обусловлено, во-первых, «глобальностью и иерархической структурой его смыслового содержания» (например, лексико-грамматическим классом). Кроме того, слово, входящее в определенный семантический разряд, участвует и в другом ряде зависимостей – в парадигматических отношениях соответствующих категорий слов: одушевленные – неодушевленные, лицо – нелицо и т. п.; а по характеру своего конкретного лексического значения данное слово выступает в разных синонимических рядах и лексико-семантических группах. «Эти разные по уровню обобщения ряды зависимостей, делающих смысловое содержание словесного знака глобальным, недискретным, не могут не способствовать сохранению его семантического и формального тождества». К онтологическим характеристикам слова относится наличие у него, сверх присущих языковой организации двух основных структурных осей (оси отбора – в парадигматике и оси комбинирования – в синтагматике) также третьей оси структуризации его семантики – оси семантической производности, сохраняющей как историческое, так и синхронное тождество слова, являющееся «реальным модусом его существования в системе языка и неизменным условием функционирования в речи» [818, с. 60–65].

Следует учитывать, что феномен тождества слова наиболее наглядно наблюдается не в синхронном, а именно в исто-

рическом (диахронном) аспекте [240, с. 47]. В исторической лексикографии принцип исторического тождества считают теоретическим обоснованием объединения разновременных, разнотерриториальных, иногда жанрово-стилистически неоднородных употреблений слова в рамках одной словарной статьи [239, с. 220].

Известные затруднения, связанные с проблемой тождества слова, разрешаются историками-лексикографами на практике – при формировании заголовочной строки словарной статьи – по-разному, исходя из задач каждого словаря. Так, в Словаре древнерусского языка XI–XIV веков словарная статья организована на основе принципа диахронического тождества слов и морфем, поэтому заглавное слово дается в форме и орфографии, отражающих морфемный и фонемный состав слова в древнейший из охватываемых словарем период. Ориентирующийся на графический облик слова к концу охватываемого периода Словарь русского языка XI–XVII вв. в качестве заголовочного слова дает поздний вариант написания исходной формы, но при этом его сопровождают помещаемые в скобках регулярные варианты, начиная с древнейших. В «Лексике и фразеологии «Моления» Даниила Заточника» орфографические и графические варианты слов рассматриваются под той формой, которая является наиболее типической для многочисленных списков памятника, причем все варианты учитываются и указываются после семантической характеристики слова (подробнее об этом см. [54]). Словарь русского языка XVIII века регистрирует слово в совокупности его вариантов, под которыми понимаются модификации формы слова при тождестве семантики (лексической и грамматической).

Вероятно, в исторической лексикологии, как и в лексикологии описательной, может быть также использовано сформулированное Д.Н. Шмелевым положение о том, что основой

семантического тождества слова является его материальное (звуковое) тождество, «несмотря на возможность самого разнообразного применения слова, всевозможных модификаций его смысла, наконец, расщепления его денотативных функций». Наличие «общего семантического ядра» [240, с. 96, 70] при определенном постоянстве фонетико-морфологического облика слова (с учетом возможных вариантов), собственно, и делает возможным исследование судеб слов на хронологически длительных отрезках.

III. ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЗАЦИИ СЛОВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ

Неисчерпаемостью и многогранностью слова, возможностями субъективного восприятия и вариативности трактовок его значения, вероятно, объясняются нередкие высказывания лексикографов о неадекватности словарных толкований, самих теоретических основ описания лексики. Ср.: «Вопрос о принципах семантической характеристики в словарях различных типов далек от сколько-нибудь удовлетворительного решения» [191, с. 3]. Подобные суждения встречаем и в трудах по лексикологии: «Сравнительно легко могут быть выделены «грамматические значения» (наиболее общие элементы семантики); сложнее – стилистические и экспрессивно-оценочные элементы... Но основная трудность изучения лексического состава языка... – как раз в анализе... «остатка», который и составляет индивидуальное, собственно лексическое, как его обычно понимают, значение слова» [241, с. 1]). Это, по-видимому, неизбежное следствие такой существенной особенности лексики, как «семантическая неопределенность»: «в значительном числе случаев лексическое значение слова невозможно охарактеризовать с полной определенностью: некоторый элемент значения не может быть приписан слову безусловно» [241, с. 21].

Среди методов установления и описания лексической семантики, наиболее активно используемых в практике лингвистических исследований, обычно фигурируют метод эксперимента, метод компонентного анализа, дефиниционный метод (привлечение словарных дефиниций), метод дистри-

бутивного анализа и др. Правомерность применения каждого из них (или их комбинаций) обуславливается целями и задачами конкретной работы и той отрасли языкознания, в области которой она выполняется. При этом узкая специфика научного направления диктует выбор соответствующих методов и приемов. Так, метод эксперимента, предусматривающий опрос (анкетирование) информантов, весьма эффективный при изучении лексики современной разговорной речи, территориальных и социальных диалектов, неуместен при попытках толкования семантики слов прошлых эпох.

Одним из распространенных в исследованиях лексической семантики в историческом аспекте является метод компонентного анализа. При этом лексическое значение слова каждого хронологически ограниченного отрезка рассматривается как определенным образом организованная совокупность семантических компонентов – сем. Членение лексических значений, например, слов, входящих в синонимический ряд или лексико-семантическую группу, позволяет установить и общий для лексем каждого объединения компонент – семантический инвариант, и отдельные – дифференциальные компоненты, или дифференциальные семы – семантические остатки, которые получают при сравнении семантических компонентов единиц анализируемого лексического множества [187, с. 12–15]. Эта процедура и ее воплощения применительно к отдельному слову носят постепенный, многоступенчатый характер. Так, при описании существительных в «Словаре – справочнике «Слова о полку Игореве» компоненты располагаются от более широкого в лексико-семантическом аспекте, имеющего большее количество значений или больший объем значения, к более узкому, с меньшим количеством значений или же совсем «однозначному» и узкому по объему; последний (или последующий) компонент оказывается уточняющим по отношению к первому (или к первым). Предыдущему (первому)

компоненту присуще более общее значение, последующему (второму или последнему) – более частное, иногда – видовое по отношению к первому [51, с. 80–81] (можно заметить, что такая градация семантических компонентов позволяет обнаруживать гиперо-гипонимические связи). В этом случае компоненты в определении значений как бы отмечают начальную и конечную границы словоупотреблений, а при трех компонентах указывают и на промежуточное звено [там же].

Естественное стремление специалистов к возможно большей объективности и адекватности отражения лексического значения слова в историческом аспекте сказывается иногда и во всё возрастающей формализации описания. Например, проект исторического аналитико-смыслового словаря общественно-политических терминов Московской Руси (XIV–XVI вв.) предусматривает применение комбинаторной методики. Если первая часть этого словаря содержит определения терминов, выработанных на основе дифференциальных признаков (что довольно привычно для исторической лексикографии), то вторая часть представляет собою таблицу, в левой рубрике которой приводится набор признаков, выраженных числовыми символами (цифрами), в следующей рубрике эти признаки передаются («расшифровываются») словесно, а в последней помещены собственно «термины задаваемых смыслов» (т. е. сами описываемые лексемы). Это выглядит так [238, с. 137–144]:

№ п/п	Выборка семантических элементов	Словесное обозначение семантических элементов, образующих смысл, с помощью которого задается семантический предмет	Имена семантических предметов (лиц)
1.	1121	Свойство эксплуататора; мужского пола; служилого землевладельца; младшего; неродовитого, пожалованного землей и крестьянами	Дворянин

По-видимому, вторая часть проектируемого подобным образом словаря играет (сопоставительно с первой его частью) в значительной степени вспомогательную роль, способствуя уточнению дефиниций, присутствующих в первой. Трудно сказать, вполне ли учитываются при этом некоторые специфические свойства лексики (синкретичность, диффузность, динамизм и проч.). Что касается компонентного анализа (применяемого при составлении первой части названного словаря), то его в той или иной мере широко используют в исторической лексикографии и лексикологии, хотя далеко не во всех случаях аналитическое дробление, скрупулезная детализация лексического значения столь обнажены и прямолинейны.

Показательно, однако, что все еще преждевременно оценивать результативность неоднократных и настойчивых попыток лингвистов подвергнуть возможно более подробно, чуть ли не атомарному членению некое общее значение, – представляемое как строго структурированный, иерархически организованный комплекс значений (созначений), делимый на мельчайшие элементы, не поддающиеся дальнейшему разложению на составные части. Подобные подходы примечательны обилием и разнообразием терминологии: т.н. «минимальная единица содержания» именуется «семой», «семантическим компонентом», «дифференциальным семантическим элементом», «дифференциальным признаком», «семантическим множителем», «семантическим маркером», «ноэмой» и др. При этом можно наблюдать значительные расхождения в понятийном наполнении одних и тех же терминов у ряда авторов. Например, сему представляют как «минимальную, предельную единицу плана содержания», которая «реализуется как компонент семемы- элементарного значения (лексико-семантического варианта слова)»; в свою очередь, «семема» – единица плана содержания более высокого уровня: будучи социально обусловленной, она выступа-

ет как содержательная сторона языковой единицы на коммуникативном уровне» [153, с. 434]. Однако ср.: «Семема есть такой элемент языка, который совершенно очевиден и интуитивен по своему смыслу и неразложим» [134, с.96].

Вероятно, при абсолютизации понятийно-логической структурированности слова не вполне принимаются во внимание зачастую не совсем объяснимые и малопредсказуемые семантико-стилистические эволюции лексики. По замечанию Г.Гийома, «логика – это вымышленное движение вещей, в котором не учитываются дорожные происшествия и те помехи, которые вещи привносят вместе с собой, поскольку они являются вещами, а не просто идеями. ...Логика – это воображаемая простота. Не знаю, каким был бы язык, построенный по этой воображаемой линии. Не могу этого знать, такого языка не существует. Знаю только, что наблюдаемый язык не следует такой прямой дорогой» [61, с.18–19]. Тем более дискуссионны – в свете таких свойств языка, как прерывность/непрерывность его развития, – попытки детализации семантики слова, дробление на некие универсально-структурные элементы применительно даже не к современному, а к прошлому состоянию лексики. «Вообще структуризация значения по семантическим дифференциальным признакам – большая иллюзия нашего времени, и исследования по диахронической семантике и реконструкции значений ее не подтверждают» [212, с. 7].

«Индивидуальные терминологические эксцессы», в которых иногда очень ярко выражается стремление к обособленности [73, с.123, ведут к гипертрофии терминологии, что, по мнению О.Н. Трубачева» и свидетельствует о недостатках самой методологии [212, с. 9].

С другой стороны, известны поиски лексикографией «простейших слов для объяснения широким кругам читателей, что означают те или иные слова» [73, с. 65]; хотя само

представление о «простейших» словах тоже в немалой степени конвенционально, словарную дефиницию можно рассматривать как попытку объяснить нечто сложное через более простое, «истолковать».

Одним из возможных путей, ведущих к объективизации показа семантики слова в лексикографии, считают иногда применение метаязыка, каждое слово которого «должно выражать ровно одно, по возможности элементарное значение»; а оно, в свою очередь, «должно выражаться ровно одним словом семантического языка, совершенно независимо от того, в составе какого толкования оно встречается» [7, с. 80]! Ср.: «Преодолению «порочного круга» словарных толкований могло бы способствовать установление ограниченного списка слов, при помощи которых должны быть определены все остальные слова, помещенные в словарь» [240, с. 104]. Однако, по крайней мере, некоторые из активно критикуемых черт лексикографии – наличие «порочных кругов», «тавтологий в толкованиях» и т.п. – являются прежде всего отражением непрерывности, семантической недискретности словаря [91, с. 66], то есть – его глубинным и неотъемлемым свойством. Кроме того, полагают также, что в лексикографии функции метаязыка выполняет речь, «репрезентированная речевыми сегментами, текстом» и являющаяся средством описания лексических значений; причем (что для нас представляется особенно важным) «роль собственно языка, а не речи при описании слова не одинакова в словарях разного типа даже в пределах толковых словарей» и повышается, например, в словарях исторических, где «элементы описывающей язык системы становятся метаязыковыми элементами» [115, с. 51–52].

Достаточно ощутимо проявляется в лексикографии проблема отражения полисемии, разграничения оттенков значения слова. Например, по мнению Л.В. Щербы, сравнитель-

но легко могут быть намечены основные группы значений, но установление оттенков представляет большие трудности и «иным кажется неважным, а иным – субъективным» [243, с. 282]. Ср.: «Каждое слово и каждый языковой элемент заряжены бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков» [133, с. 479].

При попытках установить иерархию значений многозначного слова используются различные критерии. Правда, на практике они могут применяться лишь с известными оговорками. Так, Е. Курилович предложил считать решающим условием при формулировке основного значения слова его независимость от контекста; остальные же значения прибавляют к семантическим элементам главного еще и элементы контекстных значений [122, с. 246]. Однако довольно трудно представить себе полнозначное слово, абсолютно свободное от влияния контекста и существующее в некоем понятийном вакууме, вне связи с другими словами, без каких-либо смысловых ассоциаций, не вызывающее у носителя языка (тем более – у лингвиста) никаких реминисценций; вполне соответствовать предложенному условию может искусственно сконструированное слово, наделенное семантикой по воле его изобретателя (ср. аргументированную Д.Н. Шмелевым точку зрения, согласно которой главным, или основным, значением слова является такое из его значений, которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее – синтагматически [241, с. 212–214]).

Совершенно справедливо, что «слова живут не вне контекстов их употребления» [224, с. 226]. Этим свойством слова во многом порождаются выводы о принципиальной невозможности его вполне удовлетворительного лексикографического объяснения: «Всякое значение контекстуально... Между указанными в словаре значениями данного слова существует неисчислимо множество всяких семантических от-

тенков, зависящих от контекста слова: а ведь количество всех контекстов языка никогда невозможно исчислить в точности... Смысловое расстояние между двумя значениями одного и того же слова настолько мало и незначительно, что никакой словарь не может охватить всех этих оттенков» [134, с. 101–106]. По крайней мере, внешне положение вещей действительно выглядит таким образом, что распределить примеры употребления слова в точном соотношении с устанавливаемыми значениями удастся далеко не всегда; это может быть заметно как при попытках применить словарную дефиницию для объяснения слова за пределами иллюстрации, данной словарем, так и при сопоставлении толкований, представленных в равных словарях для одних и тех же слов (прежде всего – многозначных). Результаты таких экспериментов способны привести к мысли об отсутствии т.н. «промежуточных» значений или об употреблении слова в смысле, который создается как бы совмещением двух и более выделенных значений (их наложением, пересечением оттенков).

Это объективно существующее противоречие (между лексикографическими описаниями, предполагающими высокую точность и четкость дефиниций» и принципом диффузности значений многозначного слова [241, с. 80]) возможно выразить парадоксом: «всеобщая связанность всех константных свойств в слове – их искусственное разъятие в словарной статье как обязательное условие самого ее существования», вследствие чего «словарная характеристика слова, несомненно, упрощает, а может быть, в какой-то степени и искажает всю сложность его внутренней организации» [237, с. 9–10]. Справедливо, что умножение рубрик словарной статьи может препятствовать пониманию целостности значения [212, с. 8]; с другой стороны, имманентные свойства этого лингвистического жанра не поддаются устранению (во всяком случае, на сегодняшнем этапе развития лексикографии); кроме того,

переход к организации материала на иных принципах чреват резким сокращением числа пользующихся словарями (за исключением специалистов).

Слово – уникальное явление; возможность всеобъемлющей и общепринятой его дефиниции дискуссионна, а всякое сравнение неизбежно «уплощает» эту важнейшую единицу языка, лишая ее глубинного – временного измерения. Лексикографические толкования семантики слова иногда надо воспринимать с некоторой долей условности. По наблюдениям Г.А. Богатовой, то, что в исторической лексикографии условно называется значением слова, часто представляет собой метонимическое или метафорическое его употребление; поэтому одной из задач историков-лексикографов является непрерывная регистрация подобных употреблений и их компрессии до состояния значений для древнейшего фонда слов, что уже оказывается материалом для истории слова [20, с. 88].

В исторической лексикографии с еще большей остротой, как полагают, проявляется несоответствие между линейным расположением компонентов словарной статьи и наиболее вероятными и распространенными моделями семантической эволюции многозначного слова [239, с. 220]. «Первичные» значения ряда слов вытесняются «переносными»; значения отдельных слов, которые в настоящее время воспринимаются как «переносные» (и соответствующей пометой выделяются в современных толковых словарях), могут оказаться «первичными» с исторической точки зрения» [241, с. 214 и др.]. Например, «исходное значение слова *домь* безусловно не связано со зданием, строением, но в древнерусский период *домь* имело не то значение, которое вкладывают в этот корень этимологи: дом как общественная организация, семья, живущая под одним кровом... В Древней Руси *дом* – прежде всего хозяйство, и только потом – все остальное» [107, с. 80], см. также [151, с. 209 и др.].

При оценке потенциалов, например, компонентного анализа лексического значения в современной (описательной) лексикографии приходят к выводу о невозможности исчерпать всю его глубину, проникновение в которую, по сути, бесконечно; отсюда – логичное заключение о том, что уровень семантизации материала в словаре является не более чем лексикографическим приемом [185, с. 21–22]. Следует считать это положение справедливым по отношению и к исторической лексикографии, где сама степень детализации лексического значения должна разумно ограничиваться осознанием несоответствия (полного или частичного) сегодняшних вербальных формулировок компонентов – и семантики толкуемых слов в прошлые эпохи жизни языка и этноса, на совершенно отличном от существующего социокультурном фоне, осмысливавшихся, очевидно, по-другому, чем ныне, носителями языка, с их собственными, качественно иными мировоззрением и мировосприятием.

Реконструкции семантико-стилистических эволюций слов (особенно слов, давно бытующих в языке) осложняются во многих случаях недостаточностью материалов, документирующих употребление лексемы, что позволяет говорить о необъяснимости семантической истории слова «при отсутствии промежуточных звеньев» [240, с. 47]. Впрочем, справедливо было бы заметить, что история конкретного слова по преимуществу довольно фрагментарна: вряд ли исследователь может быть совершенно уверен, например, в том, что ему известны все без исключения примеры использования слова, отражающие его динамику. В какой-то степени отпечаток неизбежной фрагментарности несут на себе и авторитетные труды, однако это не снижает значимости результатов исследований – при условии правильного обнаружения факторов, направления, ключевых моментов динамики слова («непрерывность эволюции словарного состава не исключает

ет наличия отдельных критических точек и резких переходов, радикального изменения статуса отдельного слова в явковом его употреблении в течение длительного времени» [190, с. 277]).

Ввиду необъятности лексики достаточно проблематично заключить, в какой именно момент своего существования эта система изменяется полностью, да и вряд ли такие выводы не будут постоянно предварительными. Эволюции элементов лексики зачастую не обладают ярко выраженными, формальными признаками, а потому бывает нелегко их обнаружить: «история есть не только у значений слов, которые со временем явно преобразуются в иные, но и у тех из них, которые представляются нам неизменными» [98, с. 81]; ср. замечание о многочисленных семантических изменениях внутри системы без малейшего изменения ее механизма [61, с. 63]. Факты динамики слов, реализующейся в их семанто-стилистических превращениях, трудноуловимы, хотя и поддаются унификации; «историк-лексиколог сталкивается с тем смущающим подчас обстоятельством, что некоторые наиболее общие виды семантических изменений слов... – метафора, метонимия, суждение и расширение значений, калькирование, терминологизация и детерминологизация и т.д. известны издавна и наблюдаются в разное время. Однако не следует упускать из виду, что специфика этих и других явлений состоит в конкретном наполнении и соотношении в ту или иную эпоху в определенном слое лексики» [40, с. 13].

Наиболее очевидные трудности, возникающие при исследовании динамики лексики и сопряженные с попытками реконструкции языковой картины мира (особенно воздействие собственно мировоззренческого фактора [366, с. 60]), – это трудности концептуального анализа. Они вызваны не только иными, чем в наше время, осмыслениями слов (их семантического диапазона), но и принципиально иным со-

отношением слова и понятия, их близости, а за счет этого – меньшей удаленности друг от друга слова и референта. Иначе говоря (как считал Ф.И. Буслаев), в старину человек менее отделял свою мысль от слова, а потому слово понималось в теснейшей связи с тем, что оно выражало [33, с. 8]. Например, в древнерусском литературном языке «*глаголь* есть совмещение *гласа* и *разума*, а при таком толковании *разумъ* есть “означаемое” – категория более широкая, чем “значение”. Это, скорее, содержание (смысл), в котором сплетены и обозначающее, и сама реалья» [103, с. 36]. Процесс абстрагирования, постепенного отчуждения названия от называемого был исторически длительным; вероятно, этот процесс имел в виду А.А. Потебня, говоря о первоначальной «грубости» явьяка и дальнейшем («исподволь») достижении им «совершенства» [168, с. 38]. Это «поступательное развитие сознания» [105, с. 15] выражалось в фактах языковых изменений, наиболее явно – на уровне лексики.

Возможность (и даже необходимость) изменения лексической семантики выводят, в частности, из расхождений между узуальным значением слова и его значением в конкретных случаях употребления; регулярность таких отклонений становится фактором появления нового значения [161, гл. IV]. Таким образом, наличие максимально большего количества зарегистрированных словоупотреблений повышает объективность выводов о семантических эволюциях слова.

Замечено, что трансформируется противопоставленность «истории» и «доистории» (привычно понимаемых соответственно как письменный и дописьменный периоды истории языка); по мнению О.Н. Трубачева, слово *история* – которое в новое время все более синонимизируется со словом *эволюция* и близкими и вместе с тем сохраняет следы древнего значения «закрепленная, фиксированная информация» – следует использовать гораздо шире: «этимология сло-

ва – это есть его история по преимуществу» [230, с. 147]. Однако история слова во многих случаях может и не сводиться лишь к его этимологии. Так, В.В. Виноградов, понимая историю слова как воспроизведение всего содержания, всей цепи смысловых превращений, раскрытие конкретных условий употребления слова в соотнесенности с общим ходом развития лексико-семантической системы языка либо тех или иных ее стилей, указывал: «история слова всегда жизненнее, динамичнее и реальнее его этимологии» [45, с.19]; историко-лексикологическое изучение слова нельзя отождествлять и сливать с историко-этимологическим: «последовательность и ход изменений значения слова, разъяснение тех реальных исторических условий, в которых протекали эти изменения, остаются по большей части за пределами этимологического исследования» [50, с.11] (ср.: «История слов – это не только история этимологий, но и история всего последующего их движения в языке и в обществе» [28, с. 64]). Г.А. Богатова, соглашаясь с суждениями о роли этимологии применительно к проблемам сложения древнейшей части лексики, оговаривается, что семантическое движение, возможность появления новой семантической доминанты остается у слова и в более позднюю – письменную – эпоху. Кроме того, справедливо, что сложение «относительно молодых» и «молодых» слов, «длинных слов» (т. е. с осложненным морфологическим составом) познаётся все же не с помощью этимологических средств, поэтому преимущественный выбор методики и способов описания определяется конкретным исследуемым материалом, его хронологической приуроченностью и т. д. [20, с. 88–92].

В высшей степени полезным при изучении истории лексики остается опыт И.И. Срезневского. В его «Материалах» слово, представляемое как главная единица динамической системы языка, возникает перед читателем словаря в наборе

иллюстраций, позволяющих наблюдать как бы разные участки его семантического диапазона; разные грани его сложной (и единой) сущности становятся видимыми под предлагаемыми различными углами зрения, сменяющими друг друга в хронологии. Отсюда и прозрачное ощущение незаинтересованности великого лексикографа в «аналитической дробности семантических определений»; самим расположением материала статья в его словаре выстраивается как синтез всех известных составителю фактов [108, с. 7–9].

Следует учитывать также, что, поскольку в средние века семантика и образность каждого отдельного слова не существовали независимо друг от друга, всегда определяясь ближайшим контекстом, для полноценного воссоздания истории слова необходимо принимать во внимание «соэзначения», рассыпанные в контекстах, актуализируемые архаическим синкретизмом семантики [106, с. 18, 25]. Под семантическим синкретизмом понимают специфическую черту древнерусского слова, связанную с особенностями средневекового мышления и их отражения в языке; только при распаде синкретизма в значении у слова раавивается полисемия, которую считают принадлежностью уже иной эпохи [104, с. 83 и др.; 151, с. 208–209]; это, как и последующее иерархическое распределение (и перераспределение) значений, происходит, конечно, на протяжении длительного времени.

1. Слово и контекст

По мнению Э.Бенвениста, в области реконструкции значения возможна опора лишь на соображения правдоподобия, основанные на «здравом смысле», на личной оценке лингвиста, на параллелях, которые он может указать. При этом подчеркивается важность (как «методического принципа, настаивать на котором излишне») обращения к контекстам употребления слова, что позволяет не только сблизжать значения,

кажущиеся различными, но и мотивировать различия [17, с. 331, 337].

Контекст, содержащий исследуемое слово (извлеченное таким образом «из недр своего существования с грунтом» [116, с. 17]), может рассматриваться как фрагмент речевого потока, где обычно и создаются условия для закономерных и вместе с тем часто неожиданных смысловых переходов, смещений [189, с. 540]. Если правила семантической синтагматики слов (имеющие силу закона) предписывают в качестве основного критерия наличие у двух слов, «помимо специфически различающих их сем, одной общей семы» [56, с. 374] (см., например, также вывод о необходимости согласования коннотативных сем, или коннотем, – правда, лишь в их современном состоянии [216, с. 83–84]), то возможно предположить, что влияние этого критерия может быть направлено и от зависимого слова, коннотация которого поддается более или менее неоспоримой квалификации, на главное, стержневое в данном сочетании слово, с течением времени – при условии регулярности подобных сочетаний – аккумулирующее некоторые коннотативные характеристики зависимого. Отсюда следует, что самыми информативными являются контексты, содержащие словосочетания, где рассматриваемые слова выступают как стержневые.

Один из признаков развития значения слова видят в изменении его лексических связей, в которых оно проявляет себя в языке: «так сказать, движение внутри значения, изменение его объема» [98, с. 81]. При изучении судеб как отдельных слов, так и крупных лексических пластов принимают во внимание, что смысловые изменения в лексике вовсе не обязательно имеют внешне-формальное выражение: чаще при семантических сдвигах в словах возникает специфическая сочетаемость, образуются новые конструкции и т.п. Отсюда – закономерный вывод о сугубой важности возможно полно-

го учета контекстных данных в историко-лексикологическом исследовании: «внутрисловные смысловые изменения и контекст представляются разными сторонами одного явления, в равной мере показательными для происходящих сдвигов в лексике» [40, с. 14], ср. о необходимости анализа воздействия контекста (особенно словосочетаний) на историческую динамику лексики [88, с. 8, В.М. Мокиенко]. Вполне естественно, что роль контекста оцещивается как важнейшая и в работах, обосновывающих ряд положений исторической стилистики: В.В. Колесов полагает, что в эпоху средневековья семантика и образность каждого отдельного слова не существовали сами по себе, всегда определяясь ближайшим контекстом, традиционной формулой – предложением, в составе которого находится слово; только на уровне сочетания – формулы возможна конкретизация смысла, и только в формуле слово проявляет одно из своих значений (106, с. 25).

Известно, что В.В. Виноградов особенно сложными и противоречивыми считал факты экспрессивных соотношений и изменений слов (например, резкие колебания стилистических оттенков славянорусизмов, изменения их экспрессивной окраски, сказывающиеся и на логическом содержании слов). При этом полная семантическая картина, изображающая судьбу слова, не может быть получена без учета и воспроизведения экспрессивных колебаний словоупотребления [44, с. 3, 5].

Поэтому справедливо предполагается, что одной из составляющих комплексного подхода к исследованию истории словарного состава должно стать «описание стилистических качеств слова на основе анализа многообразных в жанрово-стилевом отношении контекстов» [199, с. 5]. Признана ценность изучения контекстных позиций слова, «отчетливо репрезентирующих семантические компоненты его лексического значения, реализующих парадигматические и синтаг-

матические связи» [187, с. 23–24], что учитывается при воссоздании истории как отдельных слов, так и целых лексических групп.

Существуют различные точки зрения относительно связи коннотативной лексики и контекстов, в которых она выступает. По мнению Д.Н. Шмелева, «смысловая направленность одних слов такова, что они чаще всего употребляются в контекстах, которые, как правило, не вызывают эмоционально-оценочных реакций со стороны участников речевого общения, в то время как другие слова, наоборот, по самому своему семантическому содержанию тяготеют к эмоционально насыщенным контекстам» [240, с. 105]. Е.Ф.Петрищева считает, что «способность выводить стилистическое впечатление выявляется у взятого изолированно слова уже при непосредственном обращении к языковому чутью»; характеризовать же слово на основании его употребления в текстах соответствующей окраски неправомерно [162, с. 80,82]. Согласно наблюдениям Н.А. Лукьяновой, «экспрессивное слово не создает экспрессивного высказывания (контекста), но само тяготеет к экспрессивным контекстам»: контекста естественная среда, в которой экспрессивный потенциал слова реализуется наиболее полно [139, с. 200]. В.Д.Бондалетов полагает, что понимание высказываний, вне зависимости от степени новизны их содержания, обеспечивается именно тем, что «подавляющее большинство слов, как нейтральных, так и окрашенных, в принципе сохраняет свое «доконтекстное» качество», т. е. и семантические, и стилистические признаки [25, с. 61]. Существует также мнение, согласно которому среди эмоционально-экспрессивных и эмоционально-оценочных окрасок слова могут быть выделены, с одной стороны, речевые, индивидуальные, контекстно обусловленные, а с другой – языковые, так как «очевидно, что эмоционально-экспрессивная окраска таких слов, как *закоренелый*, *шутов-*

ство, шкурник и под., никак не зависит от индивидуального употребления». Поэтому «не следует преувеличивать» значимость контекста в создании стилистической окраски языковых единиц: эта окраска имеется у них – как единиц системы языка – постоянно, а потому и возникает определенный стилистический эффект конкретного текста, который складывается из многообразного комбинирования элементов с различными стилистическими окрасками [118, с. 73–74].

Учет отношений между словом и контекстом позволяет исследователям добиваться значительных результатов в области исторической лексикологии. Н.Г.Михайловская, изучая нормативный аспект системных связей в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв., определяет контекст слова в источнике как «часть письменного текста, в которой реализуются семантическая, экспрессивная и стилистическая характеристики анализируемого слова, подчиненные организации языковых единиц данной части текста», и указывает на существование двухсторонней связи между значением слова и контекстом. Исследователь приходит к выводу об их известной соотнесенности в древнерусский период: «перемещаясь из одного произведения в другое, контекст связывал употребление слова, порождая его тематическую и стилевую принадлежность» [145, с. 7–8, 246–247]. По отношению к более позднему периоду истории русского литературного языка Е.С. Копорская устанавливает, например, что если в XVIII в. стилистическая окраска многих слов была еще неустойчивой и определялась в основном контекстом (причем в нейтральных и средних контекстах высокие слова воспринимались лишь как показатель книжности), то в первой трети XIX в. у высокого или поэтического слова возникает способность придавать стилистическую окраску контексту: «У этих слов развивается и целый ряд дополнительных стилистических (художественных) функций (создание

окраски торжественности, патетики или иронии, шутовскости, воспроизведение языкового колорита определенной эпохи, определенного литературного направления, историческая стилизация и др.)» [112, с. 151–152].

Следует, во всяком случае, признать справедливым, что соотношение слова и контекста – проблема не только синхронии, но и диахронии: эта проблема совершенствования всех ресурсов языка; противоречивость же выводов о независимости или, напротив, зависимости значения слова от контекста является объективным отражением противоречивости самого языка, которая выражается в непрерывности/прерывности его существования и развития [144, с. 39].

2. Внутренняя форма, коннотация и мотивированность значения в динамике слова

М.М. Бахтин, считая, что «язык, слово – это почти всё в человеческой жизни», объяснял свое мнение, в частности, тем, что слова выступают аббревиатурами (или представителями) высказывания, мировоззрения, точки зрения и т.п.; поэтому заложенные в слове возможности и перспективы, в сущности, бесконечны [16, с. 313, 316]. В большой степени потенции, имеющиеся у многих слов, реализуются благодаря наличию внутренней формы, мотивированности значения, непосредственно связанных с возникновением (или утратой) коннотации. Использованием главным образом многозначных лексических единиц объясняется существование различных и разнонаправленных смысловых ассоциаций. «Мир ассоциаций, формирующих семантические переосмысления, практически беспределен» [184, с. 27], а «ассоциативный комплекс, прикрепленный к конкретным именам, не стабилен» [8, с. 187]. В свою очередь, ассоциации участвуют в приобретении словами коннотации.

Явление коннотации определяется специалистами ино-

гда довольно узко, иногда – почти неограниченно широко. Так, В.И. Говердовский, выделивший три основных типа коннотации, в зависимости от различной направленности: на внутренний мир человека (экспрессивно-оценочный тип), на язык (контекстный тип); на внешнюю по отношению к языку действительность (историко-культурный тип) [63, с. 85] – отмечает сильное расширение ее в сфере лингвистики, так как коннотация вышла за первоначальные пределы экспрессивно-оценочно-стилистических рамок и захватила социально-политические, морально-этические, этнографические и культурологические понятия, отражающиеся в языке [64, с. 71]. в соответствии с формулировкой В.Н. Телли, коннотация – «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального или окказионального характера», в широком смысле – это любой компонент, которым дополняется предметно-понятийное (денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы, приобретающей, таким образом, экспрессивную функцию «на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи». В узком же смысле коннотация определяется как «компонент значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для нее функции наименования, который дополняет при употреблении в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования» [207, с. 236].

Даже в узком значении термин коннотация, приложенный к понятию «созначение» – к дополнительным, добавоч-

ным смыслом, которые закреплены в лексическом значении и потому имеют социальную значимость, оказывается достаточно размытым и в терминологическом отношении неустойчивым, что обнаруживает также неустойчивость, присущую самой коннотации [184, с. 15]. Особенно важным представляется отсутствие непроходимой грани между коннотацией и денотацией, что, как и многие другие языковые факты, наиболее ярко обнаруживается в истории («в диахронии могут быть взаимопереходы» [64, с.73]).

Примеры подобных явлений ранее рассматривались на материале как отдельных лексем, так и устойчивых словосочетаний фразеологического характера. По мнению А.И. Федорова, если устаревание большинства слов связано с утратой в их семантике денотативной основы, то другие слова исчезают именно из-за ослабления экспрессивно-коннотативных элементов в структуре значения. Причины же устаревания фразеологизмов состоят в утрате силы воздействия на воображение коннотативного элемента в семантической структуре таких оборотов, в снижении их экспрессии. Поэтому лингвистам в таких случаях следует выходить за пределы собственно лингвистических исследований в область психологии и социологии [22, с. 98].

Разнообразные ассоциации, порождаемые словами у носителей языка, в свою очередь, создают новые смысловые цепочки (или, если – весьма условно и приближительно – пытаться изобразить графически, некие расходящиеся концентрические или пересекающиеся, совмещающиеся круги и т.п. сложные фигуры). Это способствует выполнению одного из важнейших предназначений языка; вербально воплощаются не только рациональные суждения, но и эмоциональные оценки, что в двуединстве формирует коннотативную лексику, играющую ключевую роль в становлении и укреплении социокультурных норм, морально-этических

установок, духовных ориентиров и т.п. Полагают, что прагматические структуры сознания, отвечающие за субъективную оценку всего наблюдаемого и переживаемого человеком с точки зрения его интересов и ценностной ориентации в мире, являются исходными – по сравнению с когнитивными (тот же автор указывает, что в эти структуры, вырастающие на наследственном базисе, укладывается и организуется собственный опыт индивидуума, тысячекратно обогащенный и скорректированный благодаря языку «коллективным опытом человечества» [149, с. 20] – скорее, все-таки, прежде всего ментальным опытом своего народа). Вероятно, во многом с этим связана возможность вычленения и т.н. прагматического (эмотивного) значения, именуемого также прагматическим аспектом лексического значения. В согласии с общей концепцией семиотики его определяют как закрепленное в языковой практике отношение говорящих к употребляемым знакам и (что представляется особенно важным) соответствующее воздействие знаков на людей. В лексической семантике прагматическое значение считают «специфическим языковым выражением оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц, оценочным эмоциональным, стилистически характеризующим компонентом лексического значения» [152, с. 99–100], что в координатах несколько иной терминологии может быть отнесено также к специфике коннотации.

Аргументация *ad hominem* издревле и поныне широко употребительна в разного рода проповедях, диспутах и дискуссиях, декларациях и манифестах, прочих риторических и публицистических текстах, в художественно-литературных произведениях; не в меньшей степени – и в бытовом разговорном (устном и письменном) общении. Во всех указанных жанрах и функциональных стилях (иногда – и в научном) используется коннотативная лексика, удельный вес которой варьируется, однако применяется она постоянно. По-видимому, этим

допускается и отчасти оправдывается привлечение довольно любопытного с точки зрения даже обыденной логики словосочетания «человеческий фактор в языке», терминологизированного в недавнее время. Как раз с этим «фактором» склонны особенно тесно связывать проблему коннотации как субъективно ориентированного компонента семантики: «человек, жизнь и деятельность которого протекает в некотором месте планеты в определенное историческое время и в конкретном социуме, ассоциирует все познаваемое в заданных координатах и с позиций самопознания прежде всего» [206, с. 108–109]. Новый импульс получили и исследования в области коннотации, обогатившиеся, например, термином «коннотема». Однако материалом для наблюдений в них остаются прежде всего факты современного русского словоупотребления, незаслуженно редко снабжаемые историческим комментарием.

По справедливому суждению В.В. Колесова, «любое вторичное в слове... осталось бы непонятным, не найдись за коннотациями основного значения, соединяющего понятие с реальной действительностью. Получается, что исследование возникновения коннотаций как неслучайных «со-значений» есть задача исторической стилистики», хотя – «слово и текст совместно создают самое главное, опорное для исторической стилистики и исторической лексикологии звено изучения предмета и моделирования объекта» [106, с. 17, 24], что, вероятно, определяет пограничность, точки соприкосновения и взаимодействия указанных дисциплин. Интенсивная разработка проблем этого круга, несомненно, поможет преодолеть несколько чрезмерную иногда категоричность суждений о неуместности [124, с. 76] и противоречивости стилистических характеристик слова в исторических словарях, аргументируемых, как правило, мнением Ш.Балли («стилистика не может быть наукой исторической») [186, с. 90]. Мнение это далеко не бесспорно: его оценивают сегодня

и как точку зрения синхрониста, не постигающего, что, кроме количественного разнообразия, в языке могут быть и качественные преобразования, которые в корне меняют и самый объект, и исследовательские принципы какой-то науки, а о качественных преобразованиях в стилевом ряду языка и толкует историческая стилистика [106, с.18]. Хотя пока еще говорят о ее относительной аморфности, отсутствии устоявшихся критериев при квалификации языковых фактов «как в динамике, так и в статике» [205, с. 11], но уже достаточно ясно, что стилистика является динамической частью истории литературного языка и «в принципе стилистика и возможна только как историческая научная дисциплина»; в исторической перспективе она изучает не функционирование, а становление и развитие стилистических средств языка – «всегда на фоне нейтральной нормы и в связи с развитием системы языка» [106, с. 19–20, с. 16].

Поиски соотношения мысли и звука, проявляющиеся в процессе словотворчества, в путях языка к лучшим способам выражения мысли, кристаллизующейся в слове и, будучи «облаченной в звуки», способной воздействовать на дух [67], вылились в работах И. Гердера, В. фон Гумбольдта в суждения о важности «внутренней формы». Замечено, что именно при решении проблем языкознания, связанных с использованием и углублением Гумбольдтова понятия «внутренней формы», наиболее ярко проявилось своеобразие российского (т. е. еще дореволюционного) языкознания, и главные его успехи также достигнуты в изучении вопросов этого круга. В то же время, как полагают, ни на родине В. фон Гумбольдта, ни в каких-либо иных лингвистических центрах мира понятию «внутренней формы» не придавалось и не придается серьезного значения и оно почти не упоминается в специальной литературе [141, с. 3]. Можно лишь пытаться с определенной степенью вероятности предположить, какими были

взаимодействия и взаимоотношения объективных и субъективных факторов, приведших именно к такому результату. По-видимому, в числе первых следует назвать исконно мистическое почтение к Слову – воплощению сакральных ценностей, развившееся и укрепившееся за века существования православия в качестве официальной государственной религии; весьма многочисленны примеры претворения в жизнь различных по масштабу и направленности идеологических и политических установок, переплетавшихся с преобразованиями и инновациями лингвистического характера: само принятие христианства на Руси (об органичности вхождения новых религиозных ценностей, гармонизации их с мировосприятием и самосознанием древнерусского человека не в последнюю очередь за счет ассимиляции ряда ключевых понятий православия с помощью терминов более ранних верований см.: 33; 214); провозглашение Москвы «третьим Римом», церковная реформа Никона, и почти всеобъемлющие петровские реформы (особую значительность которых подчеркивает, в частности, сохранение неприкосновенности кириллицы, лишь тактично модернизированной – 214, с. 31), нововведения Павла I и т.д. – всё это только единичные свидетельства грандиозной роли Слова в истории России (даже не говоря уже о почти постоянно высоком общественном значении русской литературы). Чрезвычайно показательны также, что и многообразные процессы советского периода (с первых лет становления социалистического государства – и до т.н. перестройки включительно) сопровождаются и направляются манипуляциями в сфере языка (наиболее заметно – в лексике, орфографии, топонимике); иначе говоря, демонстративно атеистическая система ценностей утверждается по-прежнему в согласии с вербально-магическими традициями (как и впоследствии – с распространением сегодняшнего феномена «постновояза»).

Несомненно, пристальное внимание к Слову, сознание его ценности (и, может быть, самооценности), наличествовавшее у древнерусских книжников, не были утрачены со временем. Это проявилось, в частности, и в творческом освоении филологами России некоторых положений, касающихся «внутренней формы».

Так, И.И. Срезневский полагал необходимым исследовать мышление и в отношении к его выражению звуками, «законы этого выражения, начала и формы происхождения и образования слов и выражений с их различными смыслами» [194, с. 61]. Настойчиво и неоднократно обращался к понятию «внутренней формы» слова А.А. Потебня, осмыслявший и рассматривавший его в разных аспектах: как «отношение содержания мысли к совнанию», показывающее, «как представляется человеку его собственная мысль» [168, с. 115]; как «центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» [168, с. 146]. При сопоставлении («отождествлении») моментов слова и произведения искусства Потебня предлагал различать в слове внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание (и «нет возможности смешать содержание с внутреннею формою») [168, с. 175].

В дальнейшем отечественные языковеды обратились также и к изучению мотивированности значений слов, связанной «с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между словесными элементами языковой системы» [42, с. 7]. С учетом разных типов этого явления его определяют как структурно-семантическое свойство слова, которое позволяет осознать обусловленность связи его звучания и значения на основе соотнесенности с языковой или неязыковой действительностью; следует заметить,

что при таком подходе внутренняя форма оказывается в подчиненном, второстепенном положении, выступая средством, способом реализации в слове его лексической и структурной мотивированности [19, с. 18, 26]. Более плодотворным кажется взгляд на внутреннюю форму как на «остаточный элемент значения производящего слова в производном, передающем представление о признаке, по которому назван предмет, и, таким образом, мотивирующий название предмета» (220, с. 46). Внутренняя форма (или сходная с ней по функции звуко-символическая форма слова) рассматривается также как необходимый посредник, звено, сочленяющее в значении слова объективное содержание (собственно лингвистическое понятие) и субъективную модальность (экспрессивную окраску); помимо собственно деривационного мотива, она может обуславливать экспрессивную окраску значения, оперирующую сущностями ассоциативно-образной природы и характеризующуюся интуитивным восприятием и пониманием [206, с. 109].

Замечено, что «суженный» взгляд на учение о внутренней форме (т. е. лишь как на разновидность этимологического исследования) обычно основывается на мнении, что не у всех слов она есть; при этом имеется в виду «прозрачная» внутренняя форма, отражающая живые словообразовательные связи. Но с исторической точки зрения при своем возникновении все слова обладают внутренней формой [65, с. 62]; суждение же о том, что «исключение можно было бы сделать только для «первых» слов, если бы они существовали» [там же], несколько сомнительно, хотя и может быть оспорено только гипотетически, ибо довольно трудно (если вообще возможно) установить, как именно звучали и осмыслялись эти «первые» слова.

Для успешного познания динамики слова учет влияния внутренней формы (ее общепонятности, актуализации, или

затемнения и утраты) является весьма важным: несомненно ее роль в приобретении или потере словом коннотации и участие таким образом в судьбах как исконных, так и заимствованных лексем. Это особенно существенно при изучении истории лексики на хронологически протяженных отрезках, поскольку в известные периоды «живость внутренней формы» дает возможность проникать в прозрачную глубину языка» [168, с. 165] (см. например, [221, с. 8–10, 14 и др.; 4; 36, с. 103–108 и др.]).

3. Слово и концепт

При определении степени интенсивности, с которой происходят семантические изменения, и степени их «результативности» (иначе говоря, скорости их распространения и укрепления в речи, а также приобретения ими статуса общеязыковых фактов), учитывается влияние диалектики мысли – и диалектики самого развития языка и стилей литературной речи [189, с. 540]. Работа диалектики мысли, проявляющаяся в переосмыслении лексических единиц, представляет собор (как и вообще в процессах языковых изменений) постоянную балансировку между традициями и инновациями.

Смену представлений о реальном мире (которые можно считать концептуально важными), называют в качестве основного стимула перегруппировки звеньев и элементов лексической системы – от первоначального синкретизма значений к специализации и дифференциации [98, с. 91]. Концепты, таким образом, развиваются в культурно-историческом времени, порождая к жизни или побуждая к более активному употреблению носителями языка лексем, оказывающихся и (хотя бы на какой-то период) адекватными выражениями понятий, соответствующими их параметрам в общественном сознании. Поскольку же (если речь идет о живом языке) мыслительная деятельность языкового коллектива не пре-

кращается и в наиболее трудные, даже критические моменты его истории, продолжается и дальнейшее осмысление концептов, способное вызвать взаимонаправленные процессы в языке и мышлении.

Не вполне четкие семантические контуры термина «концепт», пришедшего из философии в лингвистику, вероятно, являются следствием двусторонней (и двуединой) сущности слова, слиянности содержания и выражения. Полагают, что основные трактовки этого термина в языкознании (концепт – «первоначальное представление, стимулирующее порождение слова» и концепт – «ключевое слово духовной культуры») отражают две фазы одного психико-ментального процесса: начальную, на которой происходит сложение слова и его значений, и конечную, когда слово, включенное в культурный контекст, становится «ключом» к пониманию самой культуры [132, с. 98]. На наш взгляд, безусловное разграничение указанных фаз на практике весьма затруднительно и вряд ли они могут быть отделены друг от друга совершенно бесспорно, особенно по отношению к прошлым эпохам. Однако формулируемые тем же автором принципы и цели концептуального анализа несомненно заслуживают внимания, поскольку, по существу, смыкаются с соответствующими установками применительно к феномену динамики слова. Например, предлагается сопоставлять этимологическое значение, семантику и прагматику слова для вскрытия глубинных внутрисловных процессов; сопоставление же обнаруженного механизма порождения слова с «реальными значениями», словотолкованиями позволяет проследить особенности мышления, мироощущения человека, народа, особенности формирования и развития национальной культуры.

Закономерно, что в последние годы обострилось внимание лингвистов к поискам концептов, их воплощению в языке. Такие подходы укрепляют статус языкознания как объ-

яснительной науки, важнейшего звена в ряду гуманитарных дисциплин. Актуальность проблематики «культурных концептов (понятий культуры)», таких, как «правда», «истина», «справедливость», «закон», «беззаконие», «причина», «факт», «мир» и т.п., связывают ныне с понятиями *ментального состояния* и *ментального стереотипа* [197, с. 10]. Собственно говоря, потребность в подобных изысканиях появилась, конечно, не сегодня; многие экскурсы в историю русской лексики, даже и не содержащие этих терминов, тем не менее, объективно посвящены, в конечном счете, именно обнаружению концептов в их вербализованных модификациях. Например, по оценке В.В. Колесова, в своей «Истории слов» В.В. Виноградов интуитивно определяет поиск ментального концепта сменой содержательных форм слова в исторической последовательности эмпирически установленных лексем [109, с. 42]. Можно заметить, что терминология работ, в которых исследуется менталитет, ментальность, ментальные состояния, ментальные стереотипы и т.п. феномены, характеризуется многообразием и вариативностью, что в значительной степени объясняется сложностью и неоднородностью самих явлений этой сферы, стремлением повнать их разные стороны. Так, историки считают необходимым ивучать не только ментальность каждого народа (общества, эпохи) в отдельности, его ценностные ориентиры, привычки, традиции, способы передачи и получения знания, но и «смыслы», «завернутые» в эту ментальность» [148, с. 24]; см. также ряд статей в сборниках этой серии и [172], где среди «базовых понятий (составляющих) менталитета» упоминаются «формы общения и коммуникации (например, письменная и устная речь...)» – впрочем, лишь в последнюю очередь. Как синонимичные могут использоваться термины «концепт» и «ключевое понятие» (например, [14]).

Таким образом, при изучении истории словарного со-

става следует принимать во внимание различные проявления глубинной соотнесенности эволюций языка и мышления, слова и понятия. Как ни парадоксально, На первый взгляд, но даже при наличии документирующих употребление слова данных (а может быть, и при обилии их, что затрудняет отбор наиболее информативного материала – в этом случае необходима тщательная разработка критериев селекции, анализ их объективности и т.д.), «биографию» слова, даже самого обычного и утвердившегося в языке, часто нелегко представить не только в отдельных ее деталях, но и важнейших, решающих эпизодах его существования» [190, с. 227].

4. Стилистическая характеристика слова в историческом словаре

Те изменения в лексике, в результате которых утрачиваются какие-то слова или, наоборот, возникают новые, являются далеко не единственно возможными и, по мнению Й. Еленского, характеризуют «внешнюю» сторону развития словарного состава: более важным является «внутреннее перемещение» по стилистической шкале. Поэтому проблемы стилистической организации «внутренней структуры» лексики справедливо считают существенной стороной исторической лексикологии [77, с. 10].

В теории и практике описательной лексикографии русского языка по-прежнему остается дискуссионной возможность введения такой системы стилистических помет, которая была бы одинаково приемлемой для всех специалистов. Иногда причины расхождений в квалификации стилистических свойств одних и тех же слов в разных толковых словарях усматривают (и небезосновательно) в почти неизбежной субъективности лексикографов, их личных речевых вкусах: например, «кто сам часто употребляет разговорные и просторечные слова и обороты, тот склонен чаще ставить помету

разговорное, чем просторечное» [2, с. 6]. Конечно, гораздо более сильным в этом отношении является воздействие объективных причин. Прежде всего, это сложность стилистической дифференциации словарного состава современного русского языка, сказывающаяся и в наличии пограничных явлений, с трудом относимых безусловно только к одному слою или пласту; и в неоднородности распределения слов в зависимости от их функционально-стилевой принадлежности, а с другой стороны – от их экспрессивно-стилистических (экспрессивно-оценочных) свойств [242, с. 85–87]. Это – следствие динамизма лексики, поэтому и наиболее адекватным стилистике объектом исследования оказывается не столько извлекаемая из языковой действительности относительно статическая картина экспрессивно-функционального расслоения стилистических ресурсов в системе, сколько весьма динамическая картина употребления этих элементов носителями данного языка [52, с. 17].

Стилистические коннотации трудно иногда даже не только установить, но и вербализовать с необходимой степенью полноты и точности [52, с. 16]; еще и поэтому значимость помет не стоит абсолютизировать (ср. замечание В.В. Виноградова о том, что разработанная им для СУ система стилистических помет была направлена не столько в будущее, сколько в прошлое [43, с. 201]), однако пренебрегать ими также не следует: зачастую добавочная (коннотативная) информация о семантике слова содержится, наряду с текстом собственно дефиниции, и в помете.

Г.Н. Складаревская указывает, что стилистический аспект словаря представляет собой наименее разработанную и наиболее уязвимую область лексикографии: затруднения, возникающие при попытках стандартизации и унификации материала, закономерны и объясняются самим его характером. Стилистические категории, связанные с психолингвистиче-

скими и психическими сферами, подвержены субъективизации и недостаточно определены; отсюда – неоднозначность и неустойчивость терминов, применяемых в стилистике: «стилистическая окраска», «стилистический оттенок», «стилистическая тональность», «стилистическое значение», «стилистическая характеристика», «стилистическое впечатление», «стилистические коннотации», «стилистический ореол» [183, с. 84]. Поскольку в теоретической стилистике отсутствуют общепризнанные критерии стилистической дифференциации, то в практической лексикографии в качестве единственного условия, позволяющего установить стилистическую маркированность того или иного слова, предлагается принять занимаемое им положение в стилистической парадигме, когда «только наличие синонима делает очевидны стилистическую определенность и стилистическое своеобразие слова» [183, с. 90]. Это обычно учитывается языковедами, отмечающими, впрочем, некоторую парадоксальность ситуации, когда стилисты и лексикологи в своих исследованиях основываются на тех характеристиках слов и фразеологизмов, которые содержатся в словарях, а лексикографам в то же время приходится опираться «в основном на собственную интуицию, на имеющиеся в их распоряжении не всегда полные, а тем более исчерпывающие цитатные материалы и на те или иные внутренне противоречивые высказывания лингвистов» [162, с. 13].

Необходимость исследования стилистических свойств лексики в прошлом ее состоянии признаётся многими специалистами [88, с. 23–27], хотя методика такого изучения пока далека от Б совершенства. В стилистической классификации лексики (особенно – донационального периода) применяемый довольно часто стилистико-словообразовательный подход, несмотря на достигнутые значительные результаты [174; 150], все-таки не всегда самодостаточен. Ведь и по отноше-

нию к современному словарному составу он далеко не универсален. Слово в языковой действительности находится под влиянием различных, зачастую противоречивых факторов, при взаимодействии которых создается его стилистическая окраска: «например, слово давило – «пресс» по функциональной отнесенности принадлежит к специальной сфере, а по структуре – к разговорной лексике сниженной тональности (ср. *мазила*)» [183, с. 94]. Тем более понятны затруднения составителей исторических словарей, выражающиеся иногда в колебаниях при стилистической квалификации описываемого слова: *лиска*, *ум.-ласк.*? к *лиса*; *ножишко*, *ум.-уничжижит.*? к *нож* и т.п. [83, с. 159]. Известно мнение В.В. Виноградова об ограниченных возможностях морфологического анализа при различении церковно-книжных и русских лексем: даже в тех случаях, когда слово состоит из одной морфемы или ив нескольких, но однородных по происхождению, и притом сросшихся в заведомо давнее время, такой анализ не разъясняет вопросов, которые стоят перед лексикологией [46, с. 15–17].

Конечно, вряд ли возможно изучать экспрессивно-стилистические функции слова независимо от его предметного значения и «почти столь же нереально, в конечном счете, изучение значений слова без учета возможностей его применения, то есть его стилистического диапазона» [240, с. 120]. В лексикографии современного русского литературного языка, несмотря на существующие разногласия между различными словарями как в системах стилистических помет, так и в самих пометах (что также служит предметом исследований [41]), всё же присутствует определенное единообразие. Несколько иное положение пока складывается в русской исторической лексикографии.

Саму возможность определения стилистических свойств слова в словарях, отражающих состояние лексики русского

являясь донациональной эпохи, иногда подвергают сомнению. Это делается, например, на том основании, что такие словари совмещают в описании «ряд языковых состояний и ряд хронологически сменяющих друг друга языковых систем»; кроме того, донациональный период оценивается как «период литературного двуязычия» [124, с. 76] (заметим, впрочем, что и упомянутый взгляд на историю языка и его словарного состава, и представление о литературном двуязычии тоже не бесспорны и разделяются отнюдь не всеми специалистами).

Однако лексикографическое описание слова, не затрагивающее и не учитывающее его стилистических особенностей, не содержащее хотя бы минимальной информации о них, нельзя считать полноценным. Б.А. Ларин указывал на принципиальную важность дифференцировки лексического материала в словаре древнерусского языка «по социально-стилистическим признакам» [128, с. 119]. «Каждая словарная статья – это маленькое исследование по истории слова»; «словарную статью исторического словаря можно назвать структурно организованной классификацией человеческого опыта, полученного в данной историко-культурной и социально-языковой среде» [20, с. 125, 147]. Поэтому наличие здесь стилистического аспекта следует признать закономерным и необходимым, хотя во многих случаях разрабатывать его сложно, а результаты разработок не всегда бесспорны (еще раз заметим, что это же справедливо и по отношению к описательной лексикографии).

Составители Словаря русского языка XVIII века представляют характеристику речевой употребительности слова через ряд следующих параметров: 1) стилистическую характеристику, т. е. определение выразительных (экспрессивных) функций слова; 2) указания на связь слова с определенным структурно обособленным типом языка, а также с определенными жанрами письменности; 3) указание на ограниче-

ние употребления слова определенными локальными или социальными разновидностями языка; 4) указания на отнесенность слова к отдельным терминологическим системам и номенклатурам. «Эти пометы отвечают сложившимся в XVIII в. общим представлениям о стилистической дифференциации русского языка». Словарная статья отмечает также динамику в речевой употребительности слова: изменения в стилистической характеристике, вход или выход слова из употребления, единичность употребления, нарастание или сокращение употребительности слова на протяжении века [123, с. 35 и след.]. Наличие подробной интерпретации различных сторон слова, всех его системных характеристик объясняют тем, что этот словарь «ориентирован на один этап диахронии», сравнительно небольшой хронологический отрезок, отличающийся определенной стабильностью состояния литературного языка [124, с. 76].

Для лексикологов и лексикографов, занимающихся проблемами русского языка XVIII в., ориентиром до некоторой степени может служить, например, Словарь Академии Российской – первый нормативный толковый словарь русского языка, хотя, по мнению Я. Я. Рябенко, пометы, с помощью которых в нем определяется стилистическая дифференциация лексики, следует оценивать как I «еще довольно противоречивые» [26, с. 82]. Более сложно, на наш взгляд, дать всестороннюю характеристику слова для предшествующих периодов.

Трудности при попытках стилистической квалификации слова особенно велики в тех случаях, когда цитатный материал берется из памятников деловой и бытовой письменности, содержащих значительное количество просторечной лексики. Однако уже выработан ряд достаточно эффективных приемов, способствующих решению задач этого круга. Так, например, создатели Словаря русского языка XI-XVII вв., учи-

тывая вероятность недостаточно адекватной оценки того или иного слова, не сопровождаются определениями их значения пометами *простореч.*, *сниж. стиль*; составитель иногда может «передать значение слова, его стилистический уровень путем включения в определение толкового или переводного характера соответствующих по стилю современных эквивалентов-просторечий: *истынуть* – ... 2) «умереть; околеть, издохнуть»: «И он, Ивашко, прошал повинные, а не повиниться де и вы де Ъжете кал свои, хотя де и всѣ истынете и вы де не дороги». Шут.а., к.6, № 10, ст.47. 1645 г.; «И она де мнѣ грозила: недолго де красуеся в красных шапках ужжо де истынешь и с харзиной своей». А. Свир. м., № 129.ст. 5. 1651 г.; *исхвалятися* – «похваляться, выхваляться: «А слышимъ, Иванъ Комынинъ не добръ поводливъ: не много на сто рублевъ ступаегъ, а воеводы и всякие люди добръ исхваляются». Переп. Хован., 440. XVII в. [20, с. 180]. Примерно таким же образом указание на сферу применения слова, чтобы не перегружать его дефиницию, отражается в иллюстрациях: *аршинъ* – 1) мера длины (соотв. – с к. XV в. до XVII в. – 0,68 м и 0,72 м., с XVIII в. – 0,71 м): «Дано портнымъ мастеромъ... на шитье два аршина нитей». Заб. Мат. 1, 1212. 1587 г. и т.д. Уменьшительные, ласкательные, уничижительные образования сопровождаются соответствующими пометами: *барабанецъ* – *уменьш.* к *барабанъ*; *бѣдненький* – *ласкат.* к *бѣдный*; *баимачишко* – *уменьш.-уничиж.* к *баимакъ*; *братецъ* – *уменьш.-ласкат.* к *братъ* и др. (20, с. 169].

В качестве критериев отбора лексики в Томский исторический словарь XVII в. составители опираются на ее фиксированность в диалектных словарях XIX–XX вв., в работах по региональной лексикологии XVII в., а также принимают во внимание квалификацию стилистической окрашенности этих слов в словарях современного русского языка (т. е. выбирают слова, имеющие в них пометы «област-

ное», «просторечное», «разговорное»). В то же время Л. А. Захарова обоснованно отмечает: «ориентация на современную стилистическую окрашенность делает включение материалов в словарь по указанному критерию более или менее гипотетическим, что на современном этапе развития исторической лексикографии является непреодолимым» [83, с. 157]. При этом в составах словарных статей производных слов используется указание на коннотацию: *соболишко* – *уничиж.* к *соболь*; *людиска* – *уничиж.* к *люди*; *краснобуренький* – *ласкат.* к *краснобурый* и т.п. Такая система стилистических помет применяется и В.И. Хитровой в Материалах для словаря воронежских памятников XVII–XVIII вв., ср.: *арчачишка* – *уменьш.-уничиж.* к *арчакъ*; *братець* – *ласкат.* «дружеское обращение к лицу мужского пола»; *епанчишка* – *уничиж.* к *епанча* и др. [229, с.14]. Л.Г. Панин в Словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. (Новосибирск, 1991) сопровождает многие из толкуемых слов пометами *бран(ное)*, *груб(ое)*, *ласкат(ельное)*, *неодобрит(ельное)*, *предосудит(ельное)*, *пренебр(ежительное)*, *уничижит(ельное)*, *шутл(ивое)*, *эспр(ессивное)*.

Сложность идентификации экспрессивно-стилистических свойств лексики прошлых веков в сочетании со стремлением к научной объективности и достоверности побуждают специалистов к последовательному уточнению собственных позиций. Например, Е.Н. Полякова, проанализировав лексику ряда пермских деловых документов XVI – начала XVIII в. и установив ее стилистическую разнородность, при лексикографическом описании этих памятников первоначально использовала разветвленную, многоступенчатую систему помет [166, с. 15–17]. Первые из них квалифицируют экспрессивные особенности слова, вторые указывают на принадлежность слов к определенной понятийной сфере. Поэ-

тому, во-первых, оказывается возможным выделить слова бранные, грубые (*баранник – груб.* «человек, укравший барана». «Ево Петрушку и сына ево Сенку вором и баранником называл для того, что де он Петрушка... Тимошки Пискуна воровски заколол овцу – барана». 1703 г.), уменьшительные (*бблизенка – уменьш. к бблизна*), уничижительные (*боро-нишко – уничиж.*), уменьшительно-уничижительные *избенка – уменьш.-уничиж.*). Во-вторых, отмечается наличие слов деловых (*распрос, дел.*), церковных (*апостол, церк.*), солеваренных (*ирен, солевар.*), рыболовецких (*охан, рыболов.*) и др. Кроме того, расширение круга объективных данных достигается за счет подразделения пермских (в этом случае) деловых памятников на четыре группы, в актах каждой из которых специфически отражается лексика разных пластов. Так, тексты первой группы (судебные) содержат большое количество диалектных и просторечных слов; во второй (имущественные документы) – строже выдерживаются трафареты делового языка, но одновременно допускается употребление многих слов разговорной речи (характеризующих реалии); в актах третьей группы (документы местных канцелярий для отсылки в Москву и другие города) отражается редактирование текста, соответствующее нормам центральной деловой письменности; наконец, в текстах четвертой группы (деловые акты монастырей), наряду с особенностями третьей, наблюдается также большее, по сравнению с остальными, влияние книжных текстов. Эта градация дает возможность, выяснив, например, что слово *помочь* встречается в актах 1-й и 2-й групп, а *помощь* – во 2-й, 3-й, 4-й, установить обычность первого слова для разговорной речи, а второго – для официального книжного языка. Фиксация слова *робята* только в 1-й и 2-й группах свидетельствует о его принадлежности к разговорной речи, и т.д. Технически это оформляется приведением номера соответствующей группы или группы документов,

содержащих описываемое слово, в конце каждой словарной статьи, за исключением случаев, когда оно присутствует в актах всех групп (подобный подход предполагается применить и при составлении Словаря языка Северной Руси XIV – XVII вв., в составе словарной статьи которого, наряду с другими данными, будет содержаться указание на жанр или тип цитируемого памятника). Однако в дальнейшем, при подготовке многотомного «Словаря пермских памятников XVI – начала XVIII века» (Вып. 1. А-Г. Пермь, 1993), составитель с помощью помет указывает только экспрессивные особенности слов и их отнесенность к определенной понятийной сфере (т. е., например, к делопроизводству, металлургии, солеварению и т.п.); это вызвано причинами как технического характера (экономией пространства словарной статьи), так и сугубо научного (относительной полнотой обследованного материала и связанной с этим некоторой гипотетичностью предварительных результатов).

Таким образом, несмотря на некоторые различия в приемах выделения и классификации стилистически разнородной лексики, многие специалисты в области русской исторической лексикографии признают объективную необходимость решения этих задач. Активные поиски оптимальных способов отражения в словарях многоаспектной истории слова уже приносят значительные результаты.

IV. НАУЧНАЯ И ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВАРЕЙ

Лингвистические словари выступают одновременно как информативные источники исследования лексики и как историко-культурные документы. Своеобразие современного этапа лингвистических исследований состоит, в частности, в том, что происходит интеграция языкознания как науки о языке, лексикологии как науки о словах, лексикографии как науки о способах классификации словесного материала и его представления в словарях [73, с. 36]. Словари, сосредоточивающие в относительно компактной форме лексическое богатство языка, аккумулируют историческую память народа – его носителя. Таким образом, словари выступают и в ипостаси барьера, препятствующего разрушению культурно-исторического времени, утрате духовности и превращению нации (через стадию «населения») в популяцию.

Говоря о значимости лексикографии, уместно привести высказывание П. Флоренского о «последнем круге скептического ада, где теряется самый смысл слов», которые «перестают быть фиксированы и срываются со своих гнезд» [227, с. 38] – словари же в известной степени остаются ориентирами, помогающими увидеть «законные места» слов в лексической системе языка, снизить отрицательные последствия «эффекта смысловых ножниц», то есть «разночтения», «речевого разобщения», возникающего из-за разного понимания одного и того же текста (например, в средствах массовой информации) разными адресатами, что может негативно повлиять на межличностные, внутригрупповые и межгрупповые связи [77, с. 181 и далее].

Толковые словари, описывая лексический состав язы-

ка определенной эпохи, отражают и ее философию, совокупность этических ценностей, присущих носителям языка в период составления каждого из словарей. Это проявляется по ряду параметров: в отборе и объеме словника, в характере дефиниций и систем стилистических помет и, как считают, особенно в иллюстративном материале. Вероятно, поэтому на потенции лексикографии новлатают иногда весьма большие надежды, рассматривая ее в качестве некоего «общественного рычага» наук, стремящихся выработать общий для всех людей рациональный взгляд на мир, поскольку одной из самых существенных форм рационализации отношения к жизни и участия в ней является размышление о значениях слов, к чему и должно побуждать чтение словаря [73, с. 65–66]. Все-таки, по-видимому, подобные оценки можно воспринимать, по крайней мере – сегодня, скорее как оптимистические пожелания лексикографов-энтузиастов, хорошо понимающих возможности своего жанра, чем как констатацию реального положения вещей. Такие взгляды известны и по более ранним этапам истории европейской лексикографии, например, XVII–XVIII столетий, когда словари (из-за недифференцированности их по различным типам) до определенной степени отождествлялись с суммой всех знаний эпохи, и это отождествление в концепции авторов словарей и их читателей повышало общекультурное значение самих словарей [37, с. 11–12].

Вероятно, сегодня также нельзя считать абсолютным противопоставление лингвистического (толкового) и энциклопедического словарей на том основании, что первый описывает слова, а второй – реалии, обозначаемые словами; противопоставление «общего» словаря энциклопедическому по ряду критериев, как отмечал Л.В. Щерба, скрывает в себе довольно большие трудности [243, с. 278]. Все более настойчиво в последнее время специалисты говорят о наличии черт,

сближающих названные типы словарей (например, о лингвистических элементах в энциклопедических словарях – и энциклопедических вкраплениях в лингвистических [93, с. 49]); по-видимому, тенденция к их взаимопроницаемости и взаимообогащению, основывающаяся, в частности, на идее антропоцентризма, стремлении к адекватному отражению картины мира, может воплотиться и в прогнозируемых тезаурусных словарях [14, с.66].

«Можно сказать, что именно лексикографии принадлежит ведущая роль в описании лексической семантики» [191, с. 4]. Охотно используют данные толковых словарей и представители других гуманитарных наук, например: «чтобы не вдаваться в сложности множасьихся и часто взаимно противоречащих философских учений. ., сознательно оперируем с понятиями, как они бытуют в нашем повседневном сознании» [76, с. 195] (имеются в виду толкования значений ряда слов в МАС). Ср.: «Согласно Далю, термины *общность*, *общество*, *община* определяются заложенным в них понятием об известном свойстве – свойстве одинаковости, совместного, общего. Как обозначения совокупности людей термины восходят к действию *общать* – “объединяться, действовать согласно одинаковым целям или условиям, координировать действия, а также обмениваться информацией”» [180, с. 10].

Явыковеды в своих работах обращаются к лингвистическим словарям, используя их и как источники, и как объекты изучения (СМ., например: 82; 179; 84; 41; 204; 158; 184 и др. работы).

Авторитет словаря служит дополнительным фактором, существенно повышающим научную достоверность и значимость исследования вне зависимости от его узкой тематики.

Отсылки к определениям семантики слов, данным в различных толковых словарях, аргументируют суждения лингвистов и в трудах, посвященных проблемам взаимодействия

механизмов жизни и языка, например: «Перенос гедонистического принципа на почву психологических состояний ослабил понятие стимула как активно действующей на человека внешней силы, кауаатора удовольствия... Определение хорошего в терминах одобрения в сущности тавтологично, поскольку одобрить и означает «считать хорошим», ср. толкование этого глагола в словаре Д.Н.Ушакова: «счесть приемлемым, хорошим, отозваться о чем-нибудь с похвалой, сочувствием». «Толкование через ощущение заменено толкованием через мнение». «В русском языке существительному вина, наряду с его современным значением, было присуще значение «причина». В «Словаре» В.И.Даля оно стоит на первом месте и толкуется как «начало, причина, источник, повод, предлог». Даль иллюстрирует это значение следующими примерами: «Поздние утренники виною гибели овощей». «В чем искать вину общему искажению нравственности?» Речь идет о событийной, а не «личностной» причине, повлекшей за собой отрицательные следствия. «Вина-причина» бытовала в русском языке по крайней мере до середины XIX в.» [9, с. 24–25, 300–301].

По мнению Г.А. Богатовой, дефиниция несет наибольшую нагрузку по раскрытию истории слова в семантической схеме словарной статьи исторического словаря [20, с.168]. Словарные определения считают самыми объективными, доступными исследователям доказательствами [219, с. 184; также 29, с. 7]. Впрочем, надо сказать, что не все лингвисты единодушны в отношении к словарям как полноценно информативным источникам. Так, при сравнении по информативной значимости толковых словарей русского языка (для этого привлекаются данные СУ, ВАС^і, Сл. Ожегова, Сл. Даля), текстов литературно-художественных произведений и результатов психолингвистических экспериментов решительно заключают, что лексикографические издания «в нынешнем сво-

ем виде не могут быть достаточно эффективно использованы ни для описания кодифицированного литературного языка, ни для описания разговорной речи» в их современном состоянии [35, с. 112]. Более типичны сдержанные суждения о том, что «адекватная семантическая характеристика языка... вряд ли может быть дана только на основе существующих лексикографических данных» [120, с. 162–163].

Всё же привлечение лексикографических данных – и об этом свидетельствуют многочисленные примеры – делает научные труды, в особенности лексикологические, более результативными. Словарная статья, фокусирующая разноаспектную информацию о слове, позволяет воспринимать слово как «сжатый текст» [178, с. 71], дешифруемый толкованиями значения и с помощью системы помет ориентируемый, чтобы занять место определенного фрагмента в картине мира, существующей в сознании носителей языка и отражающейся в словаре. По-видимому, несколько настороженное отношение некоторых специалистов к лексикографическим источникам объясняется тем, что на практике приходится учитывать объективные особенности лексики как уровня языка и связанную с ними специфику словарного описания.

Понятно, что интерпретация значений слов одновременно является интерпретацией форм поведения людей и их деятельности, отсюда – высокая культурно-историческая ответственность лексикографов [73, с. 66]. Поскольку же «слово понимается каждым согласно с его образом мыслей» [33, с. 66], то не праздным оказывается вопрос о степени объективности (или, напротив, тенденциозности, некоей ангажированности) создателей словаря. Эту проблему нельзя ограничивать национальными или политическими рамками, она выступает как всеобщая для лексикографов. Варианты ее решения, как и мнения критиков и комментаторов, различны.

Например, Л.В. Щерба указывал, что нормализаторская роль нормативного словаря состоит и в «ниспровержении традиции там, где она мешает выражению новой идеологии» [243, с. 277]. Относя идеологию к «трудным вопросам словаря», выдающийся лексикограф писал, что и двуязычный «словарь должен отражать советскую идеологию» (видимо, как доминирующую во время создания конкретного – русско-французского – словаря), причем отмечав, что (так как «мы говорим и о советских, и о не советских вещах») «в конце концов идеология должна сказаться не только в составе словника, но и в переводах»; так, «совершенно очевидно., что наш прокурор не то же самое, что в буржуазных странах, но тем не менее мы переводим его словом *procurer*» и т.д. [244, с. 311]. С.И. Ожегов подчеркивал «ответственное положение, которое занимает русская лексикография советской эпохи, и важность культурно-политической роли, ею выполняемой в Советском Союзе и за его пределами» [157, с. 160]. Ср. слова А.М. Сухотина: «Лексикография – не бесстрастная регистрация бытующих в языке слов и их значений, а такая же идеологическая наука, как и всякая другая» [цит. по: 228, с. 17–18].

Хотя сегодня многие творения отечественных лексикографов-русистов советской эпохи подвергаются критике именно с позиций идеологических [121, 228] (то же относится и к словарям других бывших социалистических стран [247, 171]), следует все же сказать, что идеологизированность лексикографии очевидно не является порождением социалистической системы (как, например, и многие лингводидактические тексты [783]).

Так, в Сл. *Даля революционер* – «смутчик, возмутитель, крамольник, мятежник»; значение глагола *царствовать* иллюстрируется строкой российского гимна: «Царствуй над нами, царь православный»; а иллюстрация к слову *социа-*

лист: «Социалисты и комунисты, по духу учения своего, заказные враги всякого государственного порядка» и т.п. Ранее В.Н.Туркин, исследуя количественные и качественные изменения в составе политической терминологии русского языка с учетом важности социолингвистического аспекта прагматического анализа, пришел к выводу о «классово реакционной позиции» В.И. Даля, отразившейся в его словаре [217, с. 73–74].

Как правило, стимуляторами импульсов повышенного интереса к лексикографической проблематике являются значительные общественно-политические изменения. Обычно в центре внимания оказываются толковые словари (иногда и энциклопедические [68]). Можно сказать, что подобные наблюдения строятся несколько противоречиво. См., например, указанную статью Н.А.Купиной [121], где справедливо говорится, в частности, что «влияние официальной идеологии осуществляется через языковую политику» и «действенный канал идеологического влияния – система толковых словарей» (с. 84), но при этом пометы *кап.*, *двор.*, в *бурж. обществе*, которыми в СУ снабжены некоторые наименования категорий нравственной сферы, квалифицируются как «неожиданные» (с. 86). Что касается «попыток нетенденциозного осмысления связи языка и идеологии» (с. 84), то они вряд ли легко осуществимы. Приведем в качестве примера еще статьи из наиболее цитируемого в последние годы словаря: *благородный* “происходящий из дворянского рода, дворянин” // “согласный с правилами чести и чистой нравственности; честный, великодушный, жертвующий своими выводами на пользу других” (здесь примечательна иерархия значений); *декабристами* «называют бывших государственных преступников, по заговору 1825 г.”; *коммунизм* – «политическое учение о равенстве состояний, общности владений и о правах каждого на чужое имущество»; *нигилизм* – «безобраз-

ное и безнравственное учение, отвергающее все, чего нельзя ощупать». По-видимому, исходя из этих дефиниций, возможно говорить о «тенденциозности» Сл. Даля – впрочем, как и любого полноценного толкового словаря, являющегося документом и продуктом эпохи его создания. Интерпретация же содержания словаря зависит от точки зрения критика.

Указанную проблему нельзя считать специфической лишь для русской лексикографии. Х. Касарес в своем фундаментальном труде советует составителю современного словаря на научной основе «быть постоянно начеку и следить за своим пером, пресекая всевозможные проявления своей личности, начиная с индивидуальной манеры выражения, т. е. со стиля, и кончая обнаружением своих симпатий и антипатий, политических взглядов, философских и религиозных убеждений и т.п... Только при этом условии это произведение будет принято всеми читателями как плод честного, серьезного и беспристрастного исследования» [94, с. 159 и далее]. Таким образом, то, что по прошествии времени, отделяющего сегодняшнего пользователя от периода содания конкретного словаря, может восприниматься как дань политической конъюнктуры, является прежде всего результатом объективных условий, исторических обстоятельств составления словаря, а отчасти, вероятно, – и впечатком личности лексикографа. Это вакономерно, так как «гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении» [16, с. 303].

V. РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Дифференциация лингвистических словарей на диахронические (исторические) и синхронические может основываться на положении о хронологически различных ментальных состояниях этносоциума – носителя языка. При этом «мера отражения истории», присущая словарю диахроническому, более значительна, так как в нем дается систематическое описание изменений, которые претерпела каждая заголовочная единица, ее форма и содержание за весь документированный период функционирования, и такой словарь отражает «несколько общественных языковых сознаний». Синхронический же словарь отражает преимущественно [I] одно общественное языковое сознание», с точки зрения которого рассматриваются и оцениваются толкуемые заголовочные единицы [147, с. 20–21]. Ср. подобную характеристику синхронического словаря, представляющего лексическую систему языка при описании реализации языка в едином языковом коллективе, где репрезентировано «в целом единое языковое сознание» [59, с. 25]. Однако в лексикографической практике необходимо принимать во внимание (и обычно это обстоятельство учитывается), что провести непроницаемую границу, которая бы четко и решительно разделяла прошлое и настоящее (историю и современность) вряд ли возможно безоговорочно, применительно как к языковой системе, так и к языковому сознанию. Трудности объективного отражения словарного состава объясняют именно тем, что границы современности весьма зыбки и неуловимы [192, с. 11], поэтому постулат, согласно которому в своем историческом развитии словарный состав языка проходит ряд состояний (а тог-

да логично одно из этих состояний квалифицировать как глубоко современное и попытаться описать его именно в таком качестве) нуждается в некоторой корректировке. Ведь вполне справедливо, что не совсем точно рассматривать диахронию как последовательную смену фиксированных и стабильных состояний языка: при спорном понимании синхронности в лексикографическом плане как отображения фактов относительно незначительного хронологического отрезка, имеющего верхнюю и нижнюю границы лексикографическое описание «неизбежно коснется и динамики лексического развития», а потому по своей природе такой словарь содержит элементы исторического» [185, с. 17]. Закономерно, что словарь, являющийся феноменом культурно-историческим, аккумулирует и современную ему культуру, и более ранние ее стадии; любое словарное произведение, таким образом, в силу и этих обстоятельств оказывается анахроничным [75, с.14].

Ввиду семантической неоднородности, диффузности и динамизма слова в лексикографической практике оказывается далеко не всегда возможным выдерживать первоначально принятые инструкции и рекомендации по составлению словаря, его строгого соответствия параметрам избранного типа.

Известны колебания между нормативным словарем и словарем-справочником в истории русской лексикографии; согласно мнению Л.В. Щербы, Сл. Даля представляет собой словарь-справочник, а СУ (хотя и «в высшей степени полезный») является более или менее компромиссным в этом отношении [243, с. 274–275]. Из-за недостаточной проработанности вопроса о совмещении нормативно-стилистических и исторических принципов в одном типе словаря БАСа, содержащий много ценного материала для исторической лексикологии русского языка XVIII–XX вв., все же не стал собственно толково-историческим [43, с. 8, 20].

С точки зрения Л.В. Щербы, «историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также видоизменение» [243, с. 303]. Отмечая давнюю спорность самого термина «исторический словарь», выделяют четыре основных его употребления: 1) исторический словарь отражает лексику определенного прошедшего периода в истории данного языка; 2) исторический словарь охватывает все слова данного языка, как существующие, так и отмершие, за все время существования письменности на данном языке; 3) исторический словарь есть словарь «древностей», реалий прошедших эпох; 4) исторический словарь – словарь современного языка, показывающий семантическую эволюцию слов за весь период его существования. Развивая формулировку Л.В. Щербы, В.Г. Гак предлагает считать историческим словарем прежде всего словарь современного языка, не ограничивающийся одной этимологией, но показывающий историю слов в связи с историей общества, а также эволюцию деривации и фразеологии, относящуюся к данному слову [57, с. 84–85]. По-видимому, полностью соответствовать таким требованиям в русской лексикографии сегодня может лишь совокупность (в тех или иных комбинациях) ряда изданий – как уже завершенных, так и еще продолжающихся.

Остаются актуальными и еще недостаточно реализованными известные положения Б.А. Ларина о необходимости создания комплексного исторического словаря («средневекового русского языка»), освещающего «историю вещей, историю понятий вместе с историей слов-знаков», где узкофилологическая обработка материала должна быть расширена и пополнена экскурсами реально-энциклопедического ха-

рактера, чему призваны способствовать также графические иллюстрации [128, с. 116–121).

Следует упомянуть о том, что оценка черт энциклопедизма как неуместных, например, в дефинициях толковых словарей [69] по-прежнему дискуссионна: согласно иным подходам, традиционно сложившееся деление словарей на лексические (толковые) и энциклопедические влечет за собой весьма ощутимые культурно-языковые потери для носителей русского языка и русской культуры [89, с. 94]. С определенными оговорками это можно отнести и к области исторической лексикографии.

Задачи исторической лексикографии, в некоторых чертах сходные с задачами описательной (но не дублирующие их), в значительной мере осложняются хронологической удаленностью описываемого объекта. При работе над каждым конкретным словарем они решаются историками-лексикографами с определенной долей своеобразия, что зависит, например, от особенностей охватываемого словарем периода, его протяженности, состава источников и т.п. исходных позиций. Вопросам теории и практики русской исторической лексикографии посвящен ряд специальных исследований [20; 24; 57 и др.), поэтому ограничимся здесь лишь кратким обзором имеющихся словарей.

Ф.П. Филин полагал, что обобщающую работу по исторической лексикологии русского языка следует начинать с «реконструкции словарного состава языка восточных славян дописьменной эпохи, когда устная речь в ее диалектных разновидностях была единственным средством общения», и среди возможных источников называл «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» [225, с. 46]. По мнению О.Н. Трубочева, руководителя этого продолжающегося издания, «праязыковые штудии, праязыковая лексикография... актуальны уже тем, что боль-

шая часть праязыковой лексики живет сейчас в современных славянских языках»; очевидны культурологическая значимость таких подходов и их перспективность, например, для прояснения вопроса о зарождении литературного языка, «поэтому этимологическую лексикографию можно оценивать как «квинтэссенцию» исторической» [213, с. 264–265]. Кроме уже прочно вошедшего в научный обиход «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, переведенного и существенно дополненного О.Н.Трубачевым, опубликован «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных (т. I-11, М., 1993); такой тип словаря соответствует назревшей тенденции в этимологии, расширяющейся за счет включения наиболее важных этапов письменной истории слова.

Одним из противопоставлений, возможных в типологии исторических словарей, считают их различие по прививку объема исторического времени, охваченного описанием. На этом основании выделяют словари исторических эпох – и словари исторических периодов [124, с. 76].

Видное место в исторической лексикографии по-прежнему принадлежит «Материалам для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского. Его ценность для исследователей отнюдь не уменьшилась за десятилетия, прошедшие со времени первого издания этого фундаментального труда, и с появлением других словарей исторического жанра. Это объясняется, в частности, тем, что в «Материалах...», при отсутствии экспликации семантики слова, она исчерпывающе дана особым образом, присущим русской науке прошлого века: «это скорее словарь понятий, а не лексем». Кроме того, здесь «семантический синкретизм слова не представлен вполне как законченное «значение» слова, смысл имеет только совокупная множественность контекстов, которая образует систему: парадигма пред-

ставлена синтагматически. Эти контексты и показаны в словаре» [108, с. 7–8].

Продолжается работа над «Словарем древнерусского языка (XI–XIV вв.)», специфику которого составляет сочетание двухческой традиции это один из давних жанров, прошедший долгий путь до оформления в современном виде: от глосс, рождавшихся в процессе создания или переписывания текста, к азбуковникам – обширным словарным сводам, сложившимся как словари-тезаурусы во второй половине XVI века [99, с. 256], и ко все более полным и унифицированным собственно словарям (ср. «Новый еловотолкователь» Н.М. Яновского 1803–1806 гг. – и последующие издания XIX–XX веков; краткий очерк сложения жанра словаря иностранных слов и его специфики см., например, в [38, с. 3–22]). Анализ словарей иностранных слов показывает, что их роль не сводится только к регистрации той части лексики, иноязычное происхождение которой еще ощущается ко времени создания словаря [90, с. 221], и краткому объяснению слов иноязычного происхождения, хотя это и является их основной функцией как лексикографических пособий. Наряду с другими лингвистическими словарями, словари иностранных слов выступают в качестве значительных культурно-исторических памятников и информативных источников для изучения судеб слов.

Значительным подспорьем в историко-лексикографических изысканиях оказываются также издаваемые диалектные словари, и прежде всего – «Словарь русских народных говоров», выходящий с 1965 г. На необходимости включения в исторический словарь русского языка диалектологических материалов ранее настаивал Б.А. Ларин, считавший, что без этого нельзя ни дать историческую перспективу и динамическое изображение развития значений полисемантических слов, ни верно объяснить это развитие [128, с. 119]. В тех не-

редких случаях, когда письменные свидетельства прошлых эпох о бытовании отдельного слова и даже групп слов недостаточны или совсем отсутствуют, диалектный словарь помогает восполнить пробелы. Это следствие расхождения письменно документированной судьбы слова и его реальной истории позволяет считать диалектный словарь (при условии учета данных этимологического и собственно исторического словарей) одним из основных источников ретроспективного изучения лексики [102, с. 83].

Исходя из представления о категориях «новое» и «старое» как историчных по своей сути и того, что само понятие неологизма отражает исторические и относительные во времени языковые явления, словари новых слов также рассматривают в качестве разновидности исторических словарей русского языка [1].

Даже с учетом существующего богатства имеющихся историко-лексикографических изданий многие специалисты считают необходимым расширение их диапазона с целью хронологически совершенного описания эволюций лексико-семантической системы русского языка. С этой точки зрения, БАС₁ содержит лишь элементы историзма и не дает должного представления о сложных процессах, происходивших в русском литературном языке прошлого столетия, а потому есть потребность в историческом дифференциальном словаре русского языка XIX века, целью которого будет показ эволюции нормы в сфере лексики и словоупотребления в пределах столетия в направлении к современности. Этот словарь ориентирован на динамику нормы и именно в этом плане дифференциален, так как исключает все стабильные элементы. Особенностью проектируемого предприятия явится также широкое включение в объяснительную часть статей данных, относящихся к историко-культурному и историко-социальному фону [125, с. 178–179]. Ведется работа над созданием «Слова-

ря редких слов» по произведениям XIX в. [175, с. 14], вполне обоснованно предложение о лексикографической интерпретации русской лексики первой трети XX в., – периода, который с позиции конца века уже можно назвать историей [164, с. 324–325]. Всё же надо признать, что составление, а главное – издание таких словарей относится пока к перспективам лексикографической работы.

Следует сказать, что стремление лексикографов раздвинуть временные рамки массива лексики, охватываемого историческими словарями, подтверждает положение об абсолютности лексикографии исторической и относительности лексикографии синхронической, четко формулируемое в ряде работ О.Н. Трубачева [211, с. 294; 212, с. 2; 213, с. 264] (ср. также: «Словарь абсолютно синхронный. .. невозможен практически. Он абсурден теоретически» [71, с. 122]).

Конечно, изучению истории слов с необходимой мерой глубины и подробности может способствовать только совокупность одновременно создаваемых словарей исторического цикла [20, с. 117]. Однако «одновременно» – не значит «одномоментно» и «сиюминутно»: подготовка фундаментальных многотомных словарей к изданию, сама публикация их требуют длительного, напряженного и кропотливого, «мешкотного», по выражению В.И. Даля, труда авторских коллективов. Кроме того, известно, что сокровища словарных картотек в основном остаются за пределами сравнительно узких рамок иллюстративной части словарной статьи (это объективное свойство словаря представляют как «парадокс первый» словарной статьи: «всеохватность задачи – сжатость, миниатюрность жанра» [237, с. 6]). Так, в документирующих частях статей СлРЯ XI–XVII вв. используется не более 20 % материалов Картотеки ДРС: это, как правило, цитаты из памятников письменности, призванные подтвердить наиболее раннюю и наиболее позднюю фиксации слова; информаци-

онная площадь статьи экономится – в том числе и с помощью указания лишь ссылки на источник, когда речь идет о сочетаниях разной степени устойчивости. Поэтому многие лингвисты охотно вводят в научный оборот материалы Картотеки ДРС; к ним обращаются и историки, археологи, этнографы, философы, литературоведы, представители других специальностей. Более 250 различных исследований в разных областях завершены или еще разрабатываются с привлечением этих материалов [22, с. 11]. С разной степенью активности используются и картотечные фонды других словарей. При проведении историко-семасиологических разработок словарные картотеки представляют исключительную ценность как база для контекстно-функционального исследования слова, как источник для всестороннего изучения его синтагматических, парадигматических связей [187, с. 7].

VI. РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Проблематика, которую принято включать в сферу интересов исторической лексикологии русского языка, широка и многообразна. Так, П.Я. Черных одну лишь «главную» её задачу видел в том, чтобы выяснить, как происходило развитие лексики русского языка в целом, во всех его разновидностях (литературном языке, говорах, профессиональной терминологии); установить, с чего это развитие началось, как протекало и какие этапы прошло; определить хронологические рамки появления отдельных слов и целых лексических групп; объяснить уход некоторых слов из активного употребления, а также причины стабильности формального и семантического облика одних слов – и причины изменчивости других и в том, и в другом отношении; выяснить общие линии и тенденции движения словарного состава, то есть изучить внутренние законы его эволюции в связи с историей народа [236, с. 3].

Довольно распространенные в научной и учебной литературе, в лингводидактической практике представления о различиях между исторической и описательной лексикологией основываются главным образом на противопоставлении объектов, исходного материала изысканий: лексика в прошлых ее состояниях – и «современная» лексика. Однако с учетом постоянной изменчивости словарного состава (этого следствия динамизма слова) безусловно четко разграничить историческую и описательную лексикологию вряд ли возможно. По аналогии уместно вновь упомянуть о том, что историческая лексикография оценивается как абсолютная по сравнению с описательной, имеющей относительный характер: очевидно, то же можно сказать и о лексикологии.

Например, анализ лингвистического наследия В.В. Виноградова действительно позволяет утверждать, что ядром учения о слове, по замыслу выдающегося языковеда, должна была стать именно научная лексикология, подчеркнута историческая и подчеркнута основанная на абсолютном и разнообразном материале истории отдельных слов, их разрядов или групп [144, с. 2]. Такой подход, вытекающий из глубокого понимания свойства лексики и возможностей ее исследования, обладает определенными традициями. По мнению Г. Пауля, «как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку уловить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории...» [161, с. 43].

Историческая лексикология, несомненно, имеет свою специфику, заметно отличающую ее от лексикологии описательной [88, с. 4–9]. Ф.П. Филин считал, что историческая лексикология должна «показать, каковы были истоки словарного состава языка во всем его объеме еще в дописьменную эпоху, какими были инновации лексики этого языка после его обособленности от других родственных языков, включая новообразования на унаследованной лексической базе и заимствования, чем отличался возникший язык от других, родственных соседей, каким было его диалектное членение, какие процессы происходили в лексике и лексической семантике после возникновения и развития письменности, непрерывные изменения (обогащение из разных источников и отмирание архаизмов), имевшие место в течение столетий вплоть до нашего времени во всех разновидностях языка, письменного и устного. Нам должны быть известны основные закономерности, пути развития всего словарного состава языка от его начала до современного состояния. Более того, мы должны знать причины сложения каждого слова, время его возникновения (хотя бы приблизительно), изменение его значений

и оттенков значений, их связей со значениями других слов» [225, с. 15–16].

В качестве основного объекта исторической лексикологии называют лексему во всех ее семантических и формальных смещениях со времени первой фиксации до наших дней и в ее системных связях с другими лексическими единицами [88, с. 3, В.М. Мокиенко]. Г.В. Судаков, полагая, что «основным объектом изучения исторической лексикологии должна быть лексико-семантическая группа или тематическая микрогруппа в ее эволюции», уточняет, что «исходной единицей анализа, конечно, остается слово» [88, с. 3], которое справедливо считают не только центральной, но вместе с тем и самой сложной единицей языковой системы. Судьбы отдельных слов находятся в центре внимания историков-лексикологов не из-за их пристрастия к «атомарным» исследованиям, а в силу особой специфики слова, неповторимо-индивидуального, в известной степени самостоятельного и независимого элемента языка [28, с. 51; 21, с. 4–5].

Выдвигая в качестве «далекой цели» исторической лексикологии «выяснение таких компонентов словарной системы языка, которые в истории его развития эволюционируют единым фронтом, т. е. обнаруживают прочные устойчивые связи», Б.А. Ларин оговаривался, что начинать приходится с истории отдельных слов, подбирая их для исследования «не изолированно, не случайно и произвольно»: следует «искать групповые, системные отношения», и, в свою очередь, внутри этих групп «искать такие частные смысловые соотношения, которые вытекают из самой семантики группы слов» [127, с.12–13]. Идея системности словарного состава чрезвычайно значима для его изучения как в синхронном, так и диахронном аспекте и лежит в основе многочисленных исследований. Сохраняет актуальность высказывание М.М. Покровского о том, что «история значения известного слова будет

для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [165, с. 75].

В русской исторической лексикологии история слова рассматривается в большинстве случаев с учетом его места в соответствующей лексико-семантической или тематической группе, в синонимическом ряде. Ф.П. Филин, определявший лексико-семантическую группу как «совокупность слов, имеющих близкие и идентичные значения с разными оттенками, дифференциальными признаками», указывал в числе ее черт также принадлежность входящих в группу слов к одной части речи, наличие смысловых и системных связей между ее членами, взаимозависимость членов группы [224]. Однако надо иметь в виду, что разработку критериев классификации материала в исторической лексикологии еще не считают завершенной [23, с. 8], в частности, вероятно, и по той причине, что рассмотрение функционирования слова в диахронии имеет свою специфику, которую исследователи принимают во внимание, так же, например, как и некоторые особенности изучения синонимии и полисемии применительно к прошлым эпохам истории языка. Установлено, что синонимический ряд в историческом словаре синонимов далеко не всегда может начинаться с Доминанты (опорного, основного, стержневого слова), как это принято в словарях синонимов современного русского литературного языка: в разные периоды в качестве доминанты во многих случаях выступало не одно и то же слово данного ряда. Кроме того, опорное слово не всегда возможно определить по имеющимся источникам [27, с. 12]. Синонимический ряд, как и полисемия, в представлении современного лексиколога и по мнению средневекового книжника – не просто совершенно разные, но во многом и противоположные понятия [104, с. 87]; в древ-

нерусском тексте вообще очень мало многозначных в сегодняшнем понимании слов,- это в лучшем случае архаический синкретизм семантики, актуализирующий то или иное «со значение» в определенном сочетании [106, с. 18]. И всё же наличие системных отношений в лексике дает возможность специалистам ограничивать в каждом отдельном случае масштабы исследований, не лишая в то же время их результаты необходимой научной достоверности.

Не вызывающее сомнений стремление лингвистов – прежде всего лексикологов и лексикографов – от изучения значения в связи с отдельным словом перейти к изучению значения в лексико-семантических группах прямо поддерживает... тенденцию, характеризующую общее движение науки и все более растущий интерес к области формирования, бытования и передачи человеческих знаний» [92, с. 210]. Правда, одна из вероятных предлагаемых здесь же оценок ситуации – обращение лингвистов к ансамблям значений (семантическим, лексическим, понятийным, ассоциативным полям, лексико-семантическим, тематическим группам) как результат разочарования в возможности точно, детерминистски установить и описать значение отдельно взятого слова – скорее, гипотеза. По-видимому, притягательность таких подходов объясняется и рядом других обстоятельств, например, следующими свойствами лексико-семантических групп: структура ЛСГ включает в себя и другие типы микросистем (синонимические ряды, антонимические пары); в ЛСГ взаимодействуют лексические и грамматические отношения; поэтому конкретная ЛСГ отражает специфические национальные особенности лексической системы каждого языка [169, с. 123]. История же лексико-семантических групп позволяет воссоздать эволюцию народного знания в той или иной области материальной или духовной культуры с древнейших времен до наших дней [58, с. 69].

Специфическое свойство исторической лексикологии, отличающее ее от описательной, видят в целенаправленном историзме, в спектре которого демонстрируются и истолковываются все важнейшие свойства русской лексики [88, с. 8, В.М. Мокиенко]; в свою очередь, и сам этот историзм характеризуется определенной спецификой, сказывающейся, например, в принципиальной невозможности при изучении лексики провести сколько-нибудь последовательно идею противопоставленности анализа синхронного и диахронического [21, с. 6].

В методологическом аспекте практика историко-лексикологических исследований (как и историко-лексикографические изыскания) предусматривает более широкие эвристико-интерпретационные предпосылки; в частности, она требует сбора и анализа как можно большего количества контекстов; объяснения исторических реалий на основе существующих источников и литературы энциклопедически обширной тематики; использования наряду с основными методами (компонентного и дистрибутивного анализа) также ряда вспомогательных приемов, что позволяет существенно уточнить результаты; внимания к продленной перспективе жизни слова, когда для сравнения привлекаются факты более поздних этапов развития (при этом важное место отводится сопоставлению с диалектными явлениями и параллелями из других, прежде всего родственных языков [18, с. 77–78]).

В качестве одной из основных категорий исторической лексикологии выступает динамика слова – следствие и воплощение присущего лексике динамизма.

Динамика слова выражается в его семантических и стилистических изменениях, в сложно взаимосвязанных и взаимно обусловленных реализациях коннотативных потенций. Они обнаруживаются в фактах переосмысления слова, распространяющихся в соответствии с потребностями этносо-

циума и активно участвующих в перемещениях элементов лексико-семантической системы. Хронологически последовательная демонстрация бытования слова в различных его семантико-стилистических ипостасях – весьма результативный прием, позволяющий достаточно наглядно наблюдать динамику слова (например, (36,38,39)).

Как и любая историческая наука, историческая лексикология нуждается в определенной периодизации. Критериями для выделения периодов можно считать, например, преимущественные направления лексико-семантических изменений; преимущественные направления изменений в сферах употребления разных групп лексики; степень развития лексической вариантности и синонимии в разных типах (формах) речи [201, с. 7; 202, с. 47]. Один из возможных проектов периодизации: I. Древнерусский период (вторая половина X в. – середина XIII в.): 1) вторая половина X в. – первая половина XII в. – лексика языка Киевской Руси; 2) вторая половина XII – середина XIII вв. – лексика языка периода русских феодальных княжеств. II. Старорусский период (XIII в. – первая половина XVI в.): 1) середина XIII в. (1237 г.) – XIV в. – лексика периода татаро-монгольского ига; 2) XV в. – первая половина XVI в. – лексика языка Московского централизованного государства. III. Новорусский период (вторая половина XVI в. – первая четверть XIX в.): 1) вторая половина XVI в. – 60-е годы XVII в. – лексика начального периода формирования русской нации; 2) конец XVII – середина XVIII вв. – лексика языка Петровской эпохи и начала нормализации языка; 3) 60-е – 90-е годы XVIII в. – лексика периода русского просветительства; 4) первая четверть XIX в. – лексика пушкинской эпохи. IV. Национальный период (30-е гг. XIX в. – начало XX в.): 1) 30-е – 60-е гг. XIX в. – лексика периода демократизации общественной жизни России; 2) 70-е гг. XIX в. – 1917 г. – лексика периода капитализма и развития проле-

тарского движения. Предложивший этот вариант Г.В.Судаков указывает, что более дробная периодизация истории лексики по сравнению с аналогичными для других уровней языка объясняется быстрой изменчивостью словарного состава. Кроме того, при взгляде на русский язык как на единство книжно-письменной и обиходно-разговорной разновидностей учитываются и характер литературного словоупотребления, свойственного той или иной эпохе, и состояние лексики живой устной речи [202, с. 47–48].

Известны и другие варианты периодизации, в основном менее дробные (см.: 188, с. 9–121); приведем здесь лишь некоторые. М.А. Брицын предложил следующие хронологические рамки: 1) древнерусский период (VI–XIV вв.), в свою очередь, разделяемый на ранний и поздний периоды; 2) старорусский период (XIV–XVI вв.) – период формирования и образования языка русской народности в эпоху Московской Руси; 3) начальный период формирования русского национального языка (середина XVII в. – 30-е гг. XIX в.); 4) с 30-х гг. XIX в. до 1917 г.; 5) советский период. В схеме В.М. Мокиенко – то же количество рубрик, но с иной датировкой этапов: 1) праславянский (рубеж н.э. – IX в.); 2) древнерусский (с обязательным привлечением материалов староукраинского и старобелорусского языков) – X – XVII вв.; 3) конец XVII–XVIII вв.; 4) XIX в. – 1917 г.; 5) современный этап (до 90-х годов XX века включительно). По-разному могут устанавливаться нижние и верхние границы сферы интересов исторической лексикологии: например, Л.П. Клименко считает, что это соответственно X в. и конец XVIII в. (при этом выделяются: 1) древнерусский период – X–XIV вв.; 2) старорусский – XV – сер. XVII в.; 3) начало национального периода – сер. XVII в. – XVIII в.).

Как правило, все существующие проекты периодизации учитывают принципиальную важность воздействия экстра-

лингвистических факторов на эволюции словарного состава, однако это не означает их абсолютизации, так как ориентироваться неуклонно и строго последовательно на вехи социальной истории не вполне возможно. По мнению Е.Ф. Широкоград [88, с. 12], следует принимать во внимание характер языка как особого феномена и специфику его развития, которому свойственны непрерывность и постепенность. Действительно, чересчур резкое отграничение одного периода эволюции от другого, заключение фаз непрерывного процесса в жесткие хронологические рамки способно создать впечатление (по крайней мере, при первом знакомстве с исторической лексикологией) чуть ли не о полной противопоставленности, например, словарного состава русского языка 1300 года – и 1301-го. Тем не менее, понятно, что для описания многовековой истории русской лексики в целом определенная его хронологическая рубрикация (хотя иногда – довольно условная) необходима для большей четкости изложения и удобства его восприятия.

Для того, чтобы максимально полно, точно и объективно воссоздать сложные пути слова в истории языка и народа, историки-лексикологи используют широкий круг различных источников, документирующих бытование слова и позволяющих судить о его семантических эволюциях. Отбором и классификацией источников специально занимается лингвистическое источниковедение.

Научные основы и методы этой дисциплины были заложены С.И. Котковым [117].

Одна из возможных классификационных источниковедческих схем, предложенная Л.Ю. Астахиной, базируется на сформулированном С.И. Котковым критерии лингвистической содержательности: это «совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, которая определяется его содержанием и отношением данного источни-

ка к определенному лингвистическому образованию (языку, наречию, говору), а также степенью познания последнего» [117, с. 10]. Эти критерии позволяют выделить три главных группы текстов, подразделяемые на подгруппы: I. Деловые тексты: 1) актовые – а) государственные (Русская Правда, Соборное Уложение, судебники, грамоты разного назначения и др.), б) частно-правовые (купчие, меновные, а также челобитные, расспросные речи, явки и т.п.); 2) учетные (книги таможенные, писцовые, отказные, приходно-расходные, вкладные, сельскохозяйственные; грамоты, памяти, отписки и др.); 3) статейные (отчеты послов, вести-куранты, дневники и журналы путешествий). II. Литературные тексты: 1) Художественные (повести, сказания, сатирические и драматические произведения, стихи, песни, плачи и т.п.), к ним примыкают тексты житий, чудес и мучений – т. е. светски-конфессиональные; 2) публицистические (послания, слова и др.); 3) научные. III. Эпистолярные тексты – материалы частной переписки. Отдельную группу составляют надписи (на стенах, вещах, камнях). Перечисленные в этих рубриках источники считают первичными: их лексическое наполнение сохраняется в первоизданном виде, так как это рукописи, а также их адекватные публикации. Словарные картотеки, азбуковники, лексиконы, разговорники и др., имеющие лексическое наполнение, приспособленное в основном для получения информации справочно-сопоставительного характера, относят к числу вторичных источников. В приведенной классификации отсутствуют конфессиональные тексты, прямо связанные с целями богослужения и насыщенные церковной лексикой, которые «стоят отдельно» [11, с. 36–36].

Однако лингвистическое изучение конфессиональных памятников (иначе называемых «памятниками традиционного содержания» – эвфемистический термин, введенный в [81]) дает возможность говорить об их высокой ценности для исто-

рической лексикологии русского языка: выяснилась, например, глубокая ошибочность распространенного ранее мнения, будто бы при переписке текстов Евангелия, Апостола, Псалтыри, Пролога в древности и средневековые писцы соблюдали букву оригинала; в действительности же при большем или меньшем единстве текста как такового списки этих текстов различались не только по языку и диалектным особенностям, но и по содержанию (см. работы Л.П.Жуковской) . Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника, предпринятое Л.Г.Паниным, позволило сделать ряд выводов не только о наличии лексических разночтений в списках разных редакций, но и установить их характер и типологию. Таким образом доказывается, в частности, наличие в XIV-XV вв. совершенной лексико-семантической системы русского церковно-славянского языка и прямые связи этой системы с лексическим фондом других форм русского литературного языка, что, в свою очередь, дает возможность по-новому оценить языковую ситуацию на Руси того времени [160,с.253-256; см.также 85,1291.

Сведения об эволюциях словарного состава заметно дополняются и уточняются данными исследований всех лексических пластов национального языка.

Выявляются диалектные черты лексики древнерусских памятников. Лексический диалектизм в историко-лексикологической практике понимается как слово, характерное только для памятников определенного региона; слово, местный, диалектный характер которого в прошлом находит подтверждение в значении, территории распространения и т.д. соответствующего слова или его близких словообразовательных и семантических параллелей в современных (XIX-XX вв.) народных говорах [143,с.1091. Анализ текстов местных памятников письменности прошлых периодов, с помощью которого устанавливаются локально закрепленные лек-

семьи и очерчивается их ареал, дает результаты не только собственно историко-лексикологического характера, но и отвечает на многие вопросы формирования современных русских народных говоров и реконструкции их исходных состояний [32; 159 и др. работы]. Не менее плодотворным оказывается привлечение сведений из области диалектной лексикологии и лексикографии в исторической лексикологии и лексикографии, о чем можно судить, например, по обоснованию южно-русского происхождения «Слова о полку Игореве» [101].

Сегодняшние существенные достижения исторической диалектологии стали возможными благодаря упрочению ее связей с археологией, этнографией и прежде всего – со сравнительно-историческим языкознанием. Происходит взаимообогащение сравнительного языкознания и диалектологии [60].

Постоянные и длительные взаимодействия лексики литературного языка и лексики других форм языка общенационального (внелитературных, ненормативных фактов и их совокупностей) вызывают закономерное внимание специалистов к процессам усвоения разговорной речью и литературным просторечием элементов, идущих из различных социальных диалектов, профессионального просторечия, жаргонизированной и арготической лексики, сленга и т.п., а также притока слов из территориальных диалектов в общенациональный литературно-нормированный язык (и обратно) [182; 100; 80; 48; 37 и др.]. Эти динамичные процессы также могут (вероятно, и должны) рассматриваться в сфере исторической лексикологии.

Вопросы исторической лексикологии русского языка освещаются в достаточно многочисленных работах, построенных, в зависимости от конкретных задач, на разном материале и охватывающих различные периоды. Наиболее распространены: описание словарного состава отдельного па-

мятника письменности или группы текстов; описание словарного состава письменных памятников определенной хронологической, территориальной и/или жанрово-стилевой принадлежности; описание общих тенденций эволюции лексики определенного периода; описание истории лексико-семантических или тематических групп, обычно – также на протяжении какого-либо периода; описание истории слов определенной частеречной (лексико-грамматической) или стилистической принадлежности.

Естественно, что во многих случаях затруднительно отнести исследование лишь к одному из условно выделенных направлений: на практике они пересекаются, и чем больше точек пересечения, тем более значим результат. Попытки обобщений того или иного уровня пока единичны: например, «Очерк русской исторической лексикологии (древнерусский период)» (М., 1956) П.Я. Черных – по словам самого автора, это «первый опыт., представляющий собрание некоторых материалов, наблюдений, этимологий, лексикологических эскизов, ... приведенных в известный порядок и популярно изложенных в соответствии с требованиями курса истории русского языка» (236, с. 33; «Историческая лексикология русского языка» Ф.П.Филина (М., 1984) – основательный, но оставшийся незавершенным проспект; «Историческая лексикология русского языка» Й.Еленского (Велико Търново, 1980), где дается общий обзор основных эволюций словарного состава, впрочем, довольно схематичный (подробную рецензию см.: (1563). Ценные сведения содержатся в монографиях «История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века» и «Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века» (М., 1981).

Богатство лексико-семантической системы русского языка во многом определяет разнообразие интересов лексикологов, в том числе историков, рассматривающих в своих иссле-

дованиях различные по частеречной принадлежности элементы словаря. Однако, вероятно, одно из главных, если не центральное, место в диапазоне научных устремлений лингвистов занимает имя существительное, сосредоточивающее в себе ключевые понятия и отношения, выражаемые языком. Имени отводится важнейшая роль в лексико-семантической системе языка: прежде всего имена являются «фактом духовной культуры народа (этноса), образуя устойчивый реляционный каркас этой культуры – имена родства, власти, права, экономических отношений, человека, животных и т.д., отражают глубокие традиции культуры, вскрывающиеся при исторической реконструкции» 1196, с.175).

Ср. также мнения специалистов в ответах на вопрос о том, история каких частей речи должна найти преимущественное освещение в обобщающем труде по исторической лексикологии русского языка: несмотря на вполне естественные расхождения в некоторых частностях, Ю.С. Азарх, М.А. Брицын, В.Г. Демьянов, Л.П. Клименко, В.М. Мокиенко, Г.В. Судаков достаточно определенно высказываются в пользу имени существительного, лишь затем называя и некоторые другие части речи. «Существительные ... должны стать центром такого освещения, ибо они теснее всего связаны с эволюцией экстралингвистической реальности» (В.М. Мокиенко); «наиболее подробное освещение в исторической лексикологии, безусловно, получают имена существительные...»* (Г.В. Судаков) и т.д. [88, с. 27–30].

При этом, учитывая необъятность (неохватность) словарного состава, пусть даже и при ограничении материала рамками одной части речи, неизбежно сужение поля исследования до каких-то групп или пластов слов. Критерии же отбора материала должны определяться с первоочередным учетом социальной значимости тех или иных слов.

Обилие равноаспектных и разномасштабных исследо-

ваний по исторической лексикологии (к тому же – на солидном историко-лексикографическом фоне) можно, вероятно, рассматривать как хорошую основу и преддверие фундаментального академического труда по истории словарного состава русского языка; подготовка его уже ведется, см.: [88, с. 1–40; 201; 203; 23; 188; 235]. Методологическими принципами описания материала в этой коллективной монографии являются: 1) учет как внешней, так и глубинной связи лексики с культурой и менталитетом народности, нации; 2) учет определенных форм системной организации лексики как в семантической структуре слова, так и в объединениях слов – лексико-семантических группах, тематических группах. Новаторским для изучения, осмысления и описания большого лексического материала и семантических процессов, имевших место в широких хронологических границах, можно считать стремление авторов показать неразрывную и взаимную обусловленность двух названных аспектов [234, с. 3].

Вместе с тем, вряд ли следует думать, что разработки проблематики частного характера утратят в ближайшее время (а может быть, и в отдаленном будущем) свою актуальность: русская лексика, имеющая чрезвычайно богатую историю, заслуживает пристального и многостороннего изучения. Можно предположить, что еще в течение весьма длительного времени исчерпывающее полное описание эволюций словарного состава не будет завершено. Однако продвижение к дальним целям исторической лексикологии необходимо, в частности, и как удовлетворение насущной потребности во все более глубоком познании национальной культуры – а значит, и в самопознании носителей языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перспективы истории словарного состава русского языка обусловлены дальнейшим сопряжением усилий исторической лексикологии и исторической лексикографии. Выступая в двуединстве, взаимодополняя одна другую, эти дисциплины дают панораму эволюций лексики.

Предстоит углубленное и продвинутое к современности изучение многих слов и лексико-семантических групп, включая и те, которые представляются достаточно известными, и те, история которых ранее рассматривалась на протяжении лишь отдельных периодов. Нуждаются в осмыслении вопросы формирования и трансформаций функционально-стилевых пластов, соотношения коннотации и денотации в диахронии, разработки исторической стилистики. Желательно Четкое определение факторов динамики лексических единиц, особенно – концептуально значимых слов.

Этим исследованиям призваны сопутствовать и способствовать публикации памятников письменности, уточнение уже опубликованных текстов, пополнение имеющихся словарных картотек и создание новых. Следует вводить в научный оборот региональные письменные памятники, в которых можно обнаружить локально ограниченные слова, установить их первоначальный ареал и последующие пути в общенациональном языке. Отсюда – потребность в новых словарях местных говоров с историческими данными. Кроме продолжения и завершения ряда лексикографических предприятий, с учетом постепенно и постоянно сдвигающихся границ «современности», необходимы подготовка и выпуск словарей, отражающих и детализирующих состояние русской лексики не только XIX в., но и первой половины XX в. Су-

щественно повышается также роль оперативной регистрации фактов сегодняшнего словоупотребления, в недалеком будущем – ценного материала для исторической лексикологии.

Надо сказать (несмотря на кажущуюся парадоксальность такого предположения), что безусловно полное и безусловно окончательное обобщение семантико-стилистических эволюций русской лексики в ее историческом развитии весьма затруднительно воплотить даже в фундаментальной монографии. Причиной этого являются не только Фрагментарность сведений о судьбах многих слов, но и сам динамизм лексики, непрерывность процессов живого языка. Таким образом, по крайней мере, некоторые выводы и заключения окажутся предварительными, а перед специалистами расстилается широкое поле исследовательской деятельности.

Библиографический список

1. Алаторцева С.И. Словари новых слов как разновидность исторических словарей русского языка // Русская историческая лексикология и лексикография: результаты, проблемы, перспективы. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Красноярск, 1993. С. 11–12.
2. Александрова З.Е. От автора // Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М., 1989. С. 4–7.
3. Алефиренко Н.Ф. Язык – сознание – культура: проблемы взаимодействия // Язык и культура. Третья международная конференция. Доклады. Ч. 1. Киев, 1994. С. 3–10.
4. Алимпиева Р. В. Роль внутренней формы слова при формировании лексической синонимии // Проблемы истории индоевропейских языков. 4.1. Тверь, 1991. С. 33–34.
5. Андреева Е.К. К построению структурной формулы Логоса // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 1994. С. 29–31.
6. Андрианов И.В., Вялкина Л.В., Лукина Г. Н., Сумникова Т.А., Улуханов И.С., Чурмаева Н.В. О словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М., 1991. С. 279–285.
7. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Вып. 6. 1971.
8. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 156–294.
9. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
10. Астахина Л.Ю. Картотека ДРС и историко-лингвистические исследования // Русская историческая и региональная лексикология и лексикография. Красноярск, 1990. С. 111–130.
11. Астахина Л.Ю. Классификация источников исторической лексикологии русского языка // Проблемы истории индоевропейских языков... С. 35–36.

12. Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988.
13. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
14. Бакеркина В.В. О национально-культурном менталитете и его лексикографической репрезентации // Язык и культура. Третья международная конференция. Доклады и тезисы докладов. Киев, 1994. С. 65–66.
15. Батожок Н.И. Семантическая реконструкция в диалектном словаре // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. М., 1984. С. 105–106.
16. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словарного творчества. М., 1986. С. 297–325.
17. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
18. Бланар В. Лексикология лейбикографии // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 77–82.
19. Блинова О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект). Томск, 1984.
20. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984.
21. Богатова Г.А., Дерягин В.Я. От редакторов // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987. С. 3–14.
22. Богатова Г.А. Сокровищницы письменной культуры и развитие русистики // Русский язык и современность... Ч. 1. М., 1991. С. 286–291.
23. Богатова Г.А., Астахина Л.Ю. От редакторов // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. М., 1991. С. 3–10.
24. Богатова Г.А. И.И. Срезневский и славянская историческая лексикография // Славянские языки, письменность и культура. Киев, 1993. С. 50–62.
25. Бондалетов В.Д. Лексическая стилистика // Стилистика русского языка. Л., 1989. С. 58–72.
26. Борисова Е.Н. К проблеме формирования нормированной разговорной разновидности русского литературного языка // Русская историческая лексикография и лексикология. Красноярск, 1989. С. 75–85.

27. Борисова Е.Н. Проблемы лексической синонимии // Лексическая и синтаксическая синонимия. Смоленск, 1989. С. 3–13.
28. Будагов Р.А. История слов в истории общества. М., 1971.
29. Будагов Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов. М., 1989.
30. Булгаков Сергей. Лествица Иаковля. Об ангелах. Париж, 1929.
31. Булгаков С.Н. Философия имени. Paris, 1953.
32. Бурого С.Б. Человек, язык, культура: становление смысла // Язык и культура. Первая международная конференция. Киев, 1992. С. 3–10.
33. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. М., 1848.
34. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Л., 1941.
35. Василевич А.П. К проблеме отбора материала для лексико-семантического описания группы слов//Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 97–112.
36. Васильев А.Д. Динамика слова в истории русского языка. Красноярск, 1993.
37. Васильев А.Д. Крутой // Русская речь. 1993. № 6. С. 44–47.
38. Васильев А.Д. Судьбы заимствований в русской лексике. Красноярск, 1993.
39. Васильев А.Д. Историко-культурный аспект динамики слова. Красноярск, 1994.
40. Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М., 1972.
41. Виноград Г.Г. Семантические сдвиги в лексике русского литературного языка 30-х – 80-х годов XX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
42. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947.
43. Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского языка и его значение для советского языкознания//Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–20.
44. Виноградов В.В. Об экспрессивных изменениях значений и форм слов // Советское славяноведение. 1968. № 4. С. 3–11.
45. Виноградов В.В. Чтение древнерусского текста и историко-

- этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 3–22.
46. Виноградов В.В. К истории лексики русского литературного языка // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 12–34.
  47. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. С. 39.
  48. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 176–239.
  49. Виноградов В.В. История слов. М., 1994.
  50. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5–34.
  51. Виноградова В.Л. Об описании значений слов в историческом словаре // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 80–91.
  52. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
  53. Волков С.С. Стилиевые лексико-фразеологические средства деловой письменности. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1980.
  54. Волков С.С. Словарь произведения древнего автора (заголовочное слово, варианты, семантическая разработка лексики и фразеологии) // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 87–99.
  55. Волков С.С. Общерусские и региональные исторические словари как база для исторической лексикологии русского языка // Вопросы языкознания. 1985. № 5. С. 68–75.
  56. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики – 1971. М., 1972. С. 367–395.
  57. Гак В.Г. Об историческом словаре // Филологические науки. 1994. № 1. С. 81–92.
  58. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.
  59. Герд А.С. К концепции Нового академического словаря. Отбор слов в словарь // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995. С. 24–30.

60. Герд А. С. Русская историческая диалектология в кругу смежных дисциплин (на материале псковских говоров) // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 57–67.
61. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
62. Глотов А.О. О религиозной сущности художественных текстов социалистического реализма // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Ч. 1. С. 143–144.
63. Говердовский В.И. История понятия коннотации // Филологические науки. 1979. № 2. С. 83–86.
64. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации (взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 71–79.
65. Григорян А.Г. Некоторые проблемы системного и исторического изучения лексики и семантики // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 56–63.
66. Грязнова В.М. Личные существительные в русском литературном языке первой половины XIX века. М., 1989.
67. Гумбольдт В. фон. О буквенном письме и его связи со строем языка // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 403–423.
68. Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы филологии. 1989. № 11. С. 64–76.
69. Далё П.К. О кратких и подробных определениях значений слов в словарях филологического и энциклопедического типов // Проблемы толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963. С. 153–154.
70. Дегтев С.В. Из истории лексемы *слово* // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка. Вологда, 1988. С.28-29.
71. Денисов П.Н. О понятии синхронного среза в лексике и лексикографии // Международный симпозиум по проблемам этимологии... С. 122–123.
72. Дмитриев М.В. Некоторые аспекты изучения истории цивилизации в современной французской историографии // Цивилизации. Вып. 1. М., 1992. С. 189–206.
73. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.

74. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.
75. Дубичинский В. В. Искусство создания словарей. Конспекты по лексикографии. Харьков, 1994.
76. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.
77. Еленский Й. Историческая лексикология русского языка. Велико Търново, 1980.
78. Ендольцев Ю.А. Учебный текст как отражение социокультурной ситуации // Национально-культурный компонент в тексте... Т. 2. С. 106–107.
79. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
80. Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
81. Жуковская Л.П. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник (их изучение и методика исследования) // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 20–35.
82. Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975.
83. Захарова Л. А. Томский исторический словарь XVII в. // Сибирские русские говоры. Томск, 1984. С. 153–161.
84. Звегинцева О.В. Динамическая характеристика лексического значения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
85. Злыгостьева О.Г. Лингвотекстологическое исследование списков Стишного Пролога XV–XVII веков (на материале оригинальных русских майских чтений). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1993.
86. Иванов Вяч. Вс. Языкознание // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 618–622.
87. Ившин В. Д. Национальная культура и проблемы лексикографической практики // *Vocabulum et vocabularium*. Вып.3. Харьков, 1996. С. 34–37.
88. Историческая лексикология и лексикография русского языка. Вологда, 1988.
89. Калауцкая Л.П. Размышления о русской лексикографии (в

- связи с выходом в свет Русско-японского словаря) // Вопросы языкознания. 1991. № 1. С. 87–95.
90. Калинин А.В. Лексика русского языка. М., 1978.
  91. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
  92. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
  93. Карпенко М. В. Энциклопедические словари как лингвокультурологический источник // Язык и культура. Третья международная конференция. Доклады и тезисы докладов. Киев, 1994. С. 48–58.
  94. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.
  95. Кизюкевич А.А. Исследование динамики развития русского языка на современном этапе // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. М. – Ужгород, 1991. С. 153–154.
  96. Клименко Л.П. Системный подход как один из принципов историко-лингвистических исследований // Соотношение синхронии и диахронии... С. 105–106.
  97. Климов Г.А. Синхрония – диахрония и статика – динамика // Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967. С. 31–33.
  98. Ковтун Л.С. О неясных семантических изменениях (к истории значений слов) // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 81–91.
  99. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII вв. Л., 1975.
  100. Коготкова Т.С. Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка // Литературная норма и просторечие. М., 1977. С. 58–76.
  101. Козырев В.А. Лексика современных русских народных говоров. Л., 1984.
  102. Козырев В.А. Сопоставление исторического и диалектного словарей // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 83–89.
  103. Колесов В.В. Имя – знамя – знак // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур. Л., 1983. С. 24–39.
  104. Колесов В.В. Синонимия как разрушение многозначности

- слова в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 80–87.
105. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
106. Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск, 1990. С. 16–36.
107. Колесов В.В. Домь и дворь в древнерусских текстах XI–XVI веков // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. М., 1991. С. 55–82.
108. Колесов В.В. «Язык» и «развитие» в понимании И.И. Срезневского // Славянские языки, письменность и культура. Киев, 1993. С. 5–12.
109. Колесов В.В. Ментальная характеристика слова в лексикографических трудах В.В. Виноградова // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова. Тезисы докладов. М., 1995. С. 42–43.
110. Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995. С. 13–24.
111. Колесов В.В. Русская ментальность и развитие русского языка // Russistik Русистика. 1995. № 1–2. С. 20–25.
112. Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988.
113. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143–343.
114. Костомаров В.Г. Труды академика В.В. Виноградова в области лексикологии, фразеологии, семасиологии и лексикографии // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 1–10.
115. Котелова Н.З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 48–63.
116. Котелова Н.З. Текстовые лексико-фразеологические материалы как лингвистический источник // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб., 1995. С. 11–18.

117. Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.
118. Крылова О.А. Функциональные стили языка // Функциональные типы русской речи. М., 1982. С. 64–129.
119. Кубрякова Е.С. Синхрония // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 451–452.
120. Кузнецов А.М. Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии // Слово в грамматике и словаре. М., 1988. С. 159–164.
121. Купина Н.А. Лексическая система русского языка в тисках идеологических примитивов // Язык и культура. Вторая международная конференция. Доклады. Киев, 1993. С. 84–92.
122. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
123. Кутина Л.Л. Правила пользования Словарем // Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 8–47.
124. Кутина Л.Л. Элементы этимологического анализа в словаре исторического типа // Вопросы языкознания. 1985. №5. С. 76–82.
125. Кутина Л.Л., Сорокин Ю.С. «Словарь русского языка XIX в.» и его источники // Национальные лексико-фразеологические фонды. С. 176–183.
126. Кутубаева Г.А. Внутренняя форма и ее роль в семантической структуре современного русского языка (на материале имен существительных со значением характеристики лица). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
127. Ларин Б.А. Историческая лексикология // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (избранные работы). М., 1977. С. 11–43.
128. Ларин Б.А. Проект Древнерусского словаря // Ларин Б.А. История русского языка... С. 114–124.
129. Ларина О.В. Лексические замены в Псалтыри // Русская историческая лексикология... Красноярск, 1993. С. 23–24.
130. Левинтова Е.Н. О трех возможных подходах к языку в его соотнесенности со временем // Соотношение синхронии и диахронии... С. 12–13.
131. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

132. Лисицин А.Г. К проблеме концептуального анализа // Язык и культура. Третья международная конференция. Доклады и тезисы. Киев, 1994. С. 98–100.
133. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
134. Лосев А.Ф. Языковая структура. М., 1983.
135. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 23–192.
136. Лотман Ю.М. Лекции по типологии культуры. Вып. 1. Тарту, 1970.
137. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Уч. зап. ТГУ. Т. 414. Тарту, 1977. С. 3–36.
138. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Уч. зап. ТГУ. Вып. 754. Тарту, 1987. С. 11–20.
139. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.
140. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
141. Мельников Г.П. Судьба Гумбольдтова понятия «внутренней формы» в российском языкознании // Collegium. 1994. № 1. С. 3–13.
142. Мжельская О.С., Волков С.С. Словарь обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв. // Славянские языки, письменность и культура. С. 180–189.
143. Мжельская О.С. Территориально ограниченная лексика в древнерусских памятниках (диалектизмы и регионализмы) // Русская региональная лексика XI–XVII вв. С. 107–121.
144. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов, 1990.
145. Михайловская Н.Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка (нормативный аспект). М., 1980.
146. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л., 1986.
147. Морковкин В.В. Типология филологических словарей // Vocabulum et vocabularium. Вып. 1. Харьков, 1994. С. 13–23.
148. Неретина С.С. Через идею диалога культур // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. М., 1990. С. 24–28.

149. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
150. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Казань, 1987.
151. Николаев Г.А. Историческая семасиология русского языка и связанные с ней проблемы // Русский язык и современность. Ч. 1. С. 206–212.
152. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
153. Новиков Л.А. Сема // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 437–438.
154. Норман Б.Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура. Третья международная конференция. Доклады. Киев, 1994. С. 53–60.
155. Огнев А.В. За чистоту и богатство русского литературного языка // Международная юбилейная сессия... М., 1995. С. 199–200.
156. Одинцов Г.Ф. Йордан Еленекий. Историческая лексикология русского языка. Велико Търново. 1980 // Этимология. 1982. М., 1985. С. 180–186.
157. Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 158–182.
158. Ось кина М.А. Толковые словари в русской национальной лексикографической традиции (диахронический аспект) // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1992.
159. Панин Л.Г. Лексика западносибирской деловой письменности. XVII – первая половина XVIII в. Новосибирск, 1985.
160. Панин Л.Г. Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника. Рукописи XIV–XVI вв. Новосибирск, 1988.
161. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
162. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.
163. Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991.
164. Петрова З.М. Словарь русского языка XVIII века в системе русских исторических словарей // Русский язык и современность. Ч. 1. М., 1991. С. 319–326.
165. Покровский М. М. Семасиологические исследования в обла-

- сти древних языков // Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 63–173.
166. Полякова Е.Н. Русская региональная историческая лексикография (по материалам пермских памятников XVI – начала XVIII века). Пермь, 1990.
167. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. Изд. 2-е. М., 1979.
168. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.
169. Прохорова В.Н. Лексико-семантические группы как лексические микросистемы русского языка // Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992. С. 123–130.
170. Прохорова С.М. Культурный фон ключевых слов // Язык и культура. Вторая международная конференция. Доклады. Киев, 1993. С. 92–95.
171. Пстыга А. Лексические инновации в современном русском и польском языках в лексикографической обработке // *Vocabulum*... Вып. 2. Харьков, 1995. С. 52–59.
172. Пушкарев Л.Н. Менталитет как часть духовной культуры // Русский вопрос: история и современность. Материалы Второй всероссийской конференции. Ч. 1. Омск, 1994. С. 64–66.
173. Пшеничникова Н.Н. «Диахрония в синхронии»: русское диалектное пространство // Исторические изменения в языковой системе как результат функционирования единиц языка. Калининград, 1992. С. 9–10.
174. Рогова В.Н. Словообразовательная система русского языка в XVI веке. Красноярск, 1972.
175. Рогожникова Р.П. Редкие слова в произведениях авторов XIX в. // Вопросы языкознания. 1982. № 1. С. 78–86.
176. Рогожникова Р. П. Большой Словарной картотеке 100 лет// Практическая лексикография. М., 1989. С. 4–14.
177. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990.
178. Руделев В.Г. Слово // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 1. Харьков, 1991. С. 70–72.
179. Рудяков А.Н. Опыт системного описания лексико-семантической группы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1983.

180. Сванидзе А. А. Живые общности, общество и человек в средневековом мире Европы // *Общности и человек в средневековом мире*. С. 9–16.
181. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. М., 1928.
182. Скворцов Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // *Литературная норма и просторечие*. М., 1977. С. 29–57.
183. Складаревская Г.Н. Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // *Вопросы языкознания*. 1988. № 3. С. 84–97.
184. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.
185. Складаревская Г.Н. Новый академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии // *Очередные задачи русской академической лексикографии*. С. 15–23.
186. Складаревская Г.Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в Новом академическом словаре // *Очередные задачи... С. 90–103*.
187. Смолина К.П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв. М., 1990.
188. Смолина К.П. Историческая лексикология русского языка и проблемы системного описания лексики // *Исторические изменения в языковой системе... Калининград, 1992. С. 75–76*.
189. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-е – 90-е гг. XIX в. М.-Л., 1965.
190. Сорокин Ю.С. К истории термина мышление // *Восточные славяне. Языки, история, культура*. М., 1985.
191. Сороколетов Ф.П. Лексическое значение и словарная дефиниция // *Исследования по исторической семантике*. Калининград, 1980. С. 3–13.
192. Сороколетов Ф.П. К проблеме создания словаря собственно современного русского литературного языка // *Очередные задачи русской академической лексикографии*. С. 4–14.
193. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // *Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию*. М., 1977. С. 31–273.
194. Срезневский И.И. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук.

- С.-Петербург. I–IV. 1847 // Сревневский И.И. Русское слово. М., 1986. С. 57–102.
195. Стеблин-Каменский М.И. Возможно ли планирование языкового развития? // Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 80–96.
196. Степанов Ю.С. Имя // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 175–176.
197. Степанов Ю.С. Некоторые соображения о проступающих контурах новой парадигмы // Лингвистика: взаимодействия концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 1. Харьков, 1991. С. 9–10.
198. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993.
199. Судаков Г.В. Лексикология старорусского языка. М., 1983.
200. Судаков Г.В. Каковы перспективы воздействия лексикологии (общей, исторической, этимологической) на славянскую лексикографическую практику? (Ответы на вопросы по славянскому языкознанию к IX Международному съезду славистов) // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 47.
201. Судаков Г.В. Проблема периодизации в исторической лексикологии русского языка // Вопросы исторической семантики русского языка. Калининград, 1990. С. 5–11.
202. Судаков Г.В. Проблемы периодизации в исторической лексикологии русского языка // Проблемы истории индоевропейских языков. Ч. 1. С. 47–48.
203. Судаков Г.В. К процедуре анализа эволюции русской лексики // Соотношение синхронии и диахронии... М.- Ужгород, 1991. С. 125–126.
204. Суховерхова Г.А. Отражение лексических процессов 50-х – 60-х годов в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова // Соотношение синхронии и диахронии... С. 126.
205. Тарланов З.К. Этнический язык и этническое видение мира // Язык и этнический менталитет. С. 5–12.
206. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М., 1986.
207. Телия В.Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 236.

208. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 302–314.
209. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Ч. 1. С. 13–15.
210. Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Ч. 1. С. 5–22.
211. Трубачев О.Н. Лексикография и этимология // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973.
212. Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 3–14.
213. Трубачев О.Н. Этимологическая лексикография и история культуры // Русский язык и современность. Ч. 1. С. 264–277.
214. Трубачев О.Н. В поисках единства. М., 1992.
215. Трубачев О.Н. / О состоянии русского языка // Русская речь. 1992. № 5. С. 43–44.
216. Тулина Т.А. Роль коннотативного компонента в обеспечении семантической связности слов // Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992. С. 79–89.
217. Туркин В.Н. Семантическая и прагматическая характеристика некоторых политических терминов конца XIX–начала XX вв. // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка. Вологда, 1988. С. 72–74.
218. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 5–80.
219. Уфимцева А. А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 134–141.
220. Федоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969.
221. Федоров А.И. Русская фразеология и ее изучение по источникам. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1973.
222. Федоров А.И. Причинно-следственные связи в историческом

- развитии лексики и фразеологии русского языка // Международный симпозиум по проблемам этимологии... М., 1984. С. 97–98.
223. Феллер М.Д. Коммуникативный акт как единство синхронии и диахронии // Соотношение синхронии и диахронии... С. 24–25.
224. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.
225. Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. Проспект. М., 1984.
226. Филипец Й. Каковы перспективы воздействия лексикологии... на славянскую лексикографическую практику? (Ответы на вопросы по славянскому языкознанию к IX Международному съезду славистов) // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 46–47.
227. Флоренский П. Столп и утверждение истины // Флоренский П. Собрание сочинений. Т. IV. Paris. 1989.
228. Хан-Пира Э.И. Советский тоталитаризм и русский язык // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Ч. 1. С. 16–18.
229. Хитрова В.И. Русская историческая и диалектная лексикология. М., 1987.
230. Хроникальные заметки [Конференция по проблемам славянской исторической лексикологии и лексикографии] // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 147–149.
231. Черемисина Н.В. Семантические принципы в диахронии языка и в динамике текста (к проблеме взаимоотношения языка и мышления) // Вопросы исторической семантики русского языка. Калининград, 1989. С. 9–18.
232. Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.
233. Черепанова О.А. Альтернативные конструкции в проповеднической литературе // Древнерусский язык домонгольской поры. Л., 1991. С. 183–201.
234. Черепанова О.А. Историческая лексикология русского языка (состояние, перспективы, проблемы коллективной монографии) // Русская историческая лексикология и лексикография:

- результаты, проблемы, перспективы. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Красноярск, 1993. С.3-б.
235. Черепанова О.А. Культурно-мировоззренческий аспект в историческом изучении лексики русского языка // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова. М., 1995. С. 60–61.
236. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956.
237. Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988. С. 6–11.
238. Шиловский А.Н. О составлении исторического аналитико-смыслового словаря общественно-политической терминологии Московской Руси (XIV–XVI вв.) // Русская историческая и региональная лексикология и лексикография. Красноярск, 1990. С. 137–144.
239. Шимчук Э.Г. История слова в словарях памятников письменности // Вопросы русского языкознания. Вып. 1. М., 1976. С. 219–229.
240. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
241. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
242. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
243. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.
244. Щерба Л.В. Предисловие [к Русско-французскому словарю] // Щерба Л.В. Языковая система... Л., 1974. С. 304–312.
245. Юрченко В.С. Философские и лингвистические проблемы семантики. Саратов, 1993.
246. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 95–105.
247. Jadacki J.J. Siowa-upiory: o potrzebie dezideologizacji wydawnictw siown i kowych // Vocabulum et Vocabularium. Вып. 1. Харьков, 1994. С. 128–134.

СОДЕРЖАНИЕ

Предварительные замечания.....	3
I. История лексики в культурологическом аспекте	5
II. О некоторых исходных позициях воссоздания и описания эволюций слова	15
1. Синхрония и диахрония, статика и динамика	16
2. Тожество и динамика слова в истории языка	24
III. Проблемы семантизации слова в исторической лексикографии и лексикологии	29
1. Слово и контекст	42
2. Внутренняя форма, коннотация и мотивированность значения в динамике слова	47
3. Слово и концепт	56
4. Стилистическая характеристика слова в историческом словаре	59
IV. Научная и общекультурная значимость словарей	69
V. Русская историческая лексикография	77
VI. Русская историческая лексикология	86
Заключение.....	101
Библиографический список	103

Учебное издание

Александр Дмитриевич Васильев

ВВЕДЕНИЕ
В ИСТОРИЧЕСКУЮ
ЛЕКСИКОЛОГИЮ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Учебное пособие для спецкурса

2-е издание, исправленное

Электронное издание

Редактор *Н.А. Агафонова*

Корректор *А.П. Малахова*

Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.

Редакционно-издательский отдел КГПУ,

т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 19.06.14.

Усл. печ. л. 7,5